Олег Демидов

Анатолий Мариенгоф: первый денди Страны Советов

Биография

18+

Олег Владимирович Демидов

Анатолий Мариенгоф: первый денди Страны Советов

Серия «Литературные биографии»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42317850
«Анатолий Мариенгоф. первый денди Страны Советов. Биография». Литературно-художественное издание: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-100311-1

Аннотация

Олег Демидов (1989) – поэт, критик, литературовед, преподаватель Лицея НИУ ВШЭ. Много лет занимается исследованием жизни и творчества Анатолия Мариенгофа и других имажинистов. Составитель и комментатор собраний сочинений Анатолия Мариенгофа (2013) и Ивана Грузинова (2016).

Анатолий Мариенгоф (1897–1962) – один из самых ярких писателей-модернистов, близкий друг Сергея Есенина и автор скандальных мемуаров о нём – «Роман без вранья». За культовый роман «Циники» (1928) и «Бритый человек» (1930), изданные на Западе, он подвергся разгромной критике и был вынужден уйти из большой литературы – в драматургию («Шут Балакирев»);

книга мемуаров «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги» стала знаковой для русской прозы XX века.

«Первый денди Страны Советов» – самая полная биография писателя, где развеиваются многие мифы, публикуются ранее неизвестные архивные материалы, письма и фотографии, а также живые свидетельства людей, знавших Мариенгофа.

Содержит нецензурную брань

Содержание

Дяде Толе повезло 6
Необходимое предисловие 11
Глава первая 24
«Первый младенческий крик мой» 24
«Пенза толстопятая» 33
Юнга 40
Прапорщик царской армии 45
Глава вторая 58
Отцы и дети 58
Альманах «Исход» 65
Белые чехословаки 72
«Витрина сердца» 76
Глава третья 84
Альманах «Явь» 84
Явление имажинистов 95
Портреты поэтов 103
Акции 107
Конец ознакомительного фрагмента. 109

Олег Демидов
Анатолий Мариенгоф
Первый денди Страны Советов
Биография

А знаешь, Зояха, какое ты мне должна письмо написать? <…> на 4-х больших листах, на пишущей машинке, через один интервал и с копиркой, т.к. архив у меня, скажем прямо, говённый, а такое письмо должно сохраниться для вечности наших с тобой биографий. Они же совершенно необходимы и внукам, и правнукам, и будущим Эйхенбаумам.

Из письма Анатолия Мариенгофа Зое Никитиной 2 мая 1955 года

Дяде Толе повезло

Иногда я завидую дяде Толе. Откуда я набрался смелости называть Анатолия Борисовича Мариенгофа «дядей Толей»?

Кажется, это пошло со дня встречи с артистом Михаилом Козаковым – у него была концертная программа на стихи Бродского, я подошёл после встречи и спросил, отчего он не выступает с чтением стихов Мариенгофа, – ведь Козаков его знал. «Дядю Толю? – переспросил он очень довольно, было заметно, что о Мариенгофе его спросили впервые; и, сделав артистическую “задумчивую” паузу, пояснил: – Есть такие поэты, которых любишь, но выступать с их стихами не будешь. Дядю Толю очень люблю. Но читать его… Сложно, наверное».

С тех пор я тоже иногда себе позволяю: дядя Толя.

Надеюсь, Мариенгоф не сердится.

Он, по моим ощущениям, был добрый и покладистый дядька. С острым умом, жизнелюбивый, честный в любви.

Несколько лет, примерно с 1921-го по 1928-й, Мариенгоф был огромен: как поэт, как друг Есенина – более того: как лучший друг Есенина, как автор экспериментальной драмы «Заговор дураков», как автор одного великого романа («Циники») и автор блистательных воспоминаний («Роман без вранья»).

Потом он как-то совсем расхотел быть первым – не спорю, может, время не способствовало, – но ещё дважды он вдруг по-молодому ретиво взбирался на прежнюю высоту: выдав перед самой войной бесподобную, полную сил, государственническую драматическую поэму «Шут Балакирев», а после войны – канонические мемуары «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги» (одно название чего стоит!).

Интерес к Мариенгофу в наши дни постоянный и стойкий, но не массовый.

Между тем, ценители в курсе, что Мариенгоф уникален – другого такого у нас нет: Оскар Уайлд, Д'Аннунцио – родственные ему персонажи; по сути – он мог бы служить Отечеству, в качестве одного из самых поразительных эксцентричных брендов, – в том ряду, где Маяковский и Марк Шагал, например, – у Мариенгофа всё для этого есть. Он очень стильный. Он сам по себе – стиль.

Непонятно только, откуда, родившийся в Нижнем Новгороде, проведший в Пензе юность – такой мог появиться: денди, эстет, новатор. У нас тут не Англия, не Италия – у нас Лыкова Дамба и пензенские закоулки, – а вот появился.

Мариенгоф и Есенина научил всяким-таким штукам, подготовил его за пару лет к вояжу за океан с Айседорой, – и на зарубежных, европейских и американских фото – константиновский Серёжа, только за год до встречи с Мариенгофом снявший с себя крестьянский костюм, выглядит ой-ёй как – лучше любого европейца. Повадка, походка – загляденье.

Толя руку приложил, я точно вам говорю.

Мариенгоф не просто на равных был с Есениным, Мейерхольдом и Маяковским, а потом с Шостаковичем и с Германом-самым-старшим, – он позволял себе на Пастернака смотреть свысока, и, право слово, в определённый период имел к тому многие основания.

Потом, наверное, годы и годы спустя, Мариенгоф перебирал свои книжечки, выходившие одна за другой в двадцатые, или афиши фильмов, сценарии к которым писал, выходивших один за другим в тридцатые, – перебирал и думал: а куда всё это делось?

И, правда: куда всё это делось? То судьба кометой носится, то висит на бельевой верёвке забытой, застиранной накидкой – которую и накинуть теперь некуда. Разве что на голову от дождя, пока бежишь в киоск за свежей советской газетой.

А в той газете опять ни слова о тебе. (И, может, оно и к лучшему.)

Но я, говорю, дяде Толе завидую.

Всё потому, что у него есть такой исследователь, как Олег Демидов.

Олег Демидов – главный по делу Мариенгофа. Из тонких предисловий к переизданиям Мариенгофа Демидов сделал огроменный том, дополнив известное и предполагаемое тысячью свидетельств и фактов.

Я бы ему уже за эту книгу вручил погоны полковника –

как (ис)следователю.

Демидов работает тактично и неутомимо. Никому не навязывая своих (вполне конкретных) убеждений. Тем более не навязывая их персонажу.

Снисходительный к человеческим слабостям и вместе с тем умеющий разглядеть и оценить души прекрасные порывы, – вот такой Демидов.

И, кстати сказать, щедрый.

Когда я работал над своей небольшой книжкой про всё того же дядю Толю – Демидов, работавший со мной одновременно над своим огромным томом, постоянно мне высылал документы, которые раскопал, выкупил за деньги – ему, вообразите, хотелось, чтоб у меня получилась хорошая книжка.

Так не бывает!

Сам пишет свою, может претендовать на ряд безусловных филологических открытий – и делится с прямым, с позволения сказать, конкурентом.

Дядя Толя такого исследователя заслужил.

Я бы, смею надеяться, и сам так поступал бы, как Олег Демидов. Ради Мариенгофа же!

Но что значит это сослагательное наклонение, когда я только предполагаю, а он так уже сделал.

Вас, открывающих эту книгу, ждёт небывалое путешествие.

Пройти целую – огромную, бесподобно интересную! –

жизнь след в след за Анатолием Борисовичем Мариенгофом.

И проводник – лучше не бывает.

Так, как Олег Демидов, литературу любят только в раннем детстве, обливаясь слезами над первым, проколовшим сердце, стихотворением.

А он так живёт.

Ах, дядя Толя. Как же хорошо.

Захар Прилепин

Необходимое предисловие

Анатолий Борисович Мариенгоф заметил однажды: «В 1789 году Марат в своём

“Друге Народа” писал: “Вчера в 5 ч. вечера прибыли в столицу король и дофин. Для добрых парижан это настоящий праздник, что их король среди них”. Хороший писатель и этим воспользуется, если будет писать роман о Марате. Плохой – никогда!»[1]

А Корнею Ивановичу Чуковскому как-то раз попалась в руки биография Дмитрия Мережковского, написанная Зинаидой Гиппиус. Корней Иванович тотчас же отреагировал: «Бедная, пустопорожняя, чахлая книга – почти без образов, без красок, – прочтя её, так и не знаешь: что же за человек был Мережковский»[2].

Памятуя об этом, заранее предупреждаем читателя: на страницах этой книги будет много газетной фактологии, не требующей комментариев, но будет и много красок – чёрных, белых, красных… – без них не понять, каким человеком был наш герой.

---

[1] *Мариенгоф А.Б.* Это вам, потомки! // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 33. Далее – «Это вам, потомки!», с указанием страниц.

[2] *Чуковский К.И.* [Запись от 20 января 1961 года] // Дневник: в 3 т. Т. 3. 1936–1969 / сост., подгот. текста, коммент. *Е. Чуковской*. М.: ПРОЗАиК, 2011. С. 309.

С другой стороны, куда же без вымысла? Без большой литературы, которая, как утверждал Анатолий Борисович, и есть самая большая сплетня? Некуда деваться. Всё будет.

1897 год – удивительно урожайный на литераторов. В этом году родились Илья Ильф, Валентин Катаев, Жорж Батай, Уильям Фолкнер, Луи Арагон и Анатолий Мариенгоф.

Ни с одним из них Мариенгоф не общался. Про иностранцев – оно и понятно. Хотя, путешествуя в двадцатые годы по Европе: Берлин, Париж и юг Франции, – он находился исключительно в богемной среде и к тому же свободно владел французским языком. Возможности были, но отчего-то не сложилось. Не общался он и с Ильфом, и с братьями Катаевыми, хотя и товариществовал с другим представителем одесской литературной школы – Бабелем.

Пойдем другим путём. Тот же год, но другие имена – классиков, чтимых Мариенгофом.

19 мая 1897 года выходит из тюрьмы Оскар Уайльд. К нему у Анатолия Борисовича особое отношение. От великого ирландца наследуются эстетство, дендизм и некоторая манерность. Первые стихи по-уайльдовски высокопарны и футуристически крикливы.

В тот же год Лев Толстой публикует эссе «Что такое искусство?». Вот некоторые выдержки из него:

> «В каждом большом городе строятся огромные здания для музеев, академий, консерваторий,

драматических школ, для представлений и концертов. Сотни тысяч рабочих – плотники, каменщики, красильщики, столяры, обойщики, портные, парикмахеры, ювелиры, бронзовщики, наборщики – целые жизни проводят в тяжёлом труде для удовлетворения требований искусства, так что едва ли есть какая-нибудь другая деятельность человеческая, кроме военной, которая поглощала бы столько сил, сколько эта.

Но мало того, что такие огромные труды тратятся на эту деятельность, – на неё, так же как на войну, тратятся прямо жизни человеческие: сотни тысяч людей с молодых лет посвящают все свои жизни на то, чтобы выучиться очень быстро вертеть ногами (танцоры); другие (музыканты) на то, чтобы выучиться очень быстро перебирать клавиши или струны; третьи (живописцы) на то, чтобы уметь рисовать красками и писать всё, что они увидят; четвёртые на то, чтобы уметь перевернуть всякую фразу на всякие лады и ко всякому слову подыскать рифму. И такие люди, часто очень добрые, умные, способные на всякий полезный труд, дичают в этих исключительных, одуряющих занятиях и становятся тупыми ко всем серьёзным явлениям жизни, односторонними и вполне довольными собой специалистами, умеющими только вертеть ногами, языком или пальцами».[3]

---

[3] *Толстой Л.Н.* Что такое искусство? // Собр. соч.: в 22 т. Т. 15. М.: Художественная литература, 1983.

Из этого толстовского эссе растёт и публицистика, и добрая половина прозы, и мемуаристика Мариенгофа. Всё хлёстко, вызывающе и созвучно исканиям поэта. Главные вопросы: «Что такое искусство?», «Чем занят творец искусства?», «Кто на самом деле является творцом искусства?» и т.д. – исправно поднимаются им. Ответы – всегда парадоксальны.

Достаточно вспомнить хотя бы главную его теоретическую книгу «Буян-остров»:

> *«Жизнь – это крепость неверных. Искусство – Воинство, осаждающее твердыню. Во главе Воинства всегда поэт. Не для того ли извечное стремление войти в ворота жизни, чтобы, заняв крепость, немедленно и добровольно её оставить. Не искусство боится жизни, а жизнь боится искусства, так как искусство несёт смерть, и, разумеется, не мёртвому же бояться живого. Воинство искусства – это мёртвое воинство. Поэтому вечно в своей смерти искусство и конечна жизнь. От одного прикосновения поэтического образа стынет кровь вещи и чувства. <…> Только сумасшедшие верят в любовь. А так как поэты, художники, музыканты самые трезвые люди на земле – любовь у них только в стихах, мраморе, краске и звуках. Любовь – это искусство. От неё так же смердит мертвечиной».*[4]

Или «Записки сорокалетнего мужчины»:

---

[4] *Мариенгоф А.Б.* Буян-остров // Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. С. 634.

«Если путь от орангутанга к человеку – величественен, то обратное путешествие к обезьяне – путешествие актёров – омерзительно. А само их жалкое искусство приближает всё существо их к животному – беспокойному, неверному, угодливому, раболепному, обжорливому, плотоядному и, что хуже всего, глупому. Вот гнусный гибрид!»[5]

В 1898 году Антон Павлович Чехов создаёт «Маленькую трилогию» – цикл рассказов о «футлярной жизни» («Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви»). Явление знаковое как для русской литературы в целом, так и для Мариенгофа. В конце пятидесятых у него сложится своя «Бессмертная трилогия», которую он писал с 1926 года: «Роман без вранья», «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги», «Это вам, потомки!». Большой цикл мемуаров, посвящённый «нефутлярной жизни».

С 1897 года (плюс или минус пара лет) общественная жизнь России напоминала бурлящий котёл. С начала 1910-х годов футуризм с его пафосом разрушения одряхлевшего мира и призывом к революции формировал новое культурное пространство. И поэт Анатолий Мариенгоф и имажинизм – своего рода дерзкий непочтительный наследник его после Февральской революции.

---

[5] *Мариенгоф А.Б.* Записки сорокалетнего мужчины // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. Кн. 2. С. 7.

* * *

О Мариенгофе известно крайне мало. Слава, которая накрыла его с головой в начале двадцатых годов, скандалы после выхода в СССР «Романа без вранья» и «Циников» в Германии, более-менее шумные театральные постановки и неожиданно пришедшая посмертная популярность – в Восточной Европе в шестидесятые, а у нас на рубеже восьмидесятых–девяностых, – вот и всё, по большому счёту, что знали о писателе.

Большая часть творческого наследия Мариенгофа находится в архивах, некоторые рукописи и машинописи хранятся в частных коллекциях, в свободном полёте витают многие его книги, выпущенные небольшими тиражами. Так что информацию приходится собирать не то что по частям – по крохам. Даже при всестороннем изучении биография Мариенгофа будет иметь белые пятна – этого не избежать.

Во-первых, Мариенгоф-поэт и Мариенгоф-прозаик известен всему миру, но ранние неопубликованные тексты до сих пор продолжают появляться[6]. Во-вторых, Мариенгоф-дра-

---

[6] Совершенно не изучена, например, газета «7 дней МКТ», которая выпускалась сотрудниками Камерного театра. Среди публиковавшихся в ней литераторов два имажиниста – Анатолий Мариенгоф и Вадим Шершеневич. Но в РГАЛИ собраны не все номера, а значит, есть большая вероятность встретить до сих пор незнакомые исследователям тексты Мариенгофа.Когда в 2013 году издавали собрание сочинений, думали, что собрали все стихотворения и одноактные пье-

матург известен гораздо меньше: огромную часть его пьес удалось опубликовать в недавнем собрании сочинений (11 больших, 9 одноактных), но ещё боYльшую часть хранят архивы (по предварительным данным – 13 больших и полтора десятка одноактных). В-третьих, Мариенгоф-человек по-прежнему известен нам большей частью по своим мемуарам.

Анатолий Борисович пережил практически всех своих старых и половину новых друзей. Добротные воспоминания о нём (в имажинистском контексте) оставили Рюрик Ивнев, Вадим Шершеневич и Матвей Ройзман. Редко встречаются мимолётные записи тридцатых–пятидесятых годов в дневниках представителей его поколения, чуть чаще – заметки молодых писателей, которых привечал Анатолий Борисович на склоне лет. Но есть ещё люди, живые и здравствующие, которые виделись с Мариенгофом, общались с ним, дружили, и у них нам удалось уточнить несколько эпизодов.

«Получил твоё письмо. Я не знал Анатолия Мариенгофа в тот период, к которому относятся твои воспоминания. Мы познакомились и подружились в послевоенные годы. В моей памяти Мариенгоф остался человеком редкой доброты, щепетильно порядочным в отношениях с товарищами, влюб-

---

сы. Ошибались. С тех пор были найдены поэма «Земляк» в кировском ГАСПИКО, поэма «Балтфлотцы» в сборнике «Эстрада для фронта» (Л.–М.: Искусство, 1941) и одноактная пьеса «Истинный германец» в очень редком (большая часть тиража сгорела во время Великой Отечественной войны) сборнике «Боевая эстрада» (Л.–М.: Искусство, 1941) и многое другое.

лённым в литературу, и, несмотря на то, что к нему часто бывали несправедливы, очень скромным и незлобивым.

Вульгаризаторы немало потрудились над тем, чтоб опорочить А.Б.Мариенгофа ещё при его жизни. Действительно, нет ничего проще и удобнее такого объяснения литературных фактов: Маяковский и Есенин были природными реалистами, в грех формализма (футуризма, имажинизма) их совратили нехорошие люди; злыми гениями Маяковского были Брик и Бурлюк, а Есенина портил щёголь и сноб Мариенгоф. При сколько-нибудь добросовестном анализе подлинных фактов лживость этой концепции становится очевидной для всякого непредубеждённого человека.

Столь же лжива болтовня, что Мариенгоф ведёт свой род от немецких баронов. Даже если б это было так, я не вижу здесь ничего, что бросало бы тень на его литературную репутацию. Но достаточно прочитать воспоминания Мариенгофа, опубликованные в журнале “Октябрь”, чтобы видеть, что по происхождению и воспитанию Мариенгоф был настоящим русским интеллигентом. Отец его, крещёный еврей, был известным в своём городе врачом.

Буду рад, если твоя будущая книга в какой-то мере поможет восстановить истинный облик Анатолия Мариенгофа, честного и одарённого русского литератора; многолетнего и близкого друга С.А.Есенина».

Это письмо писатель и драматург Александр Крон написал в 1966 году Матвею Ройзману. Ройзман опубликовал

письмо в своей книге[7]. Но, увы, и сегодня приходится разбираться с вульгаризаторами и недобросовестными толкователями фактов жизни Мариенгофа.

Между тем исследование творчества Анатолия Борисовича в какой-то момент замкнулось на уже известных текстах. Литературоведы брались за Мариенгофа часто, но далее составления книг и написания статей дело не шло.

Борис Аверин подготовил к изданию несколько его книг[8], а после переключился на Набокова. Александр Кобринский много работал с имажинистами[9], но ушёл в политику. Александр Ласкин составил сборник избранных стихотворений и поэм Мариенгофа[10], но сфера его интересов столь велика (Мандельштам, Дягилев, Трумпельдор и т.д.), что остановиться на одном Мариенгофе он не мог. Томи Хуттунен[11] (Хельсинки), Валерий Сухов[12] (Пенза) и Татьяна Тер-

---

[7] См.: *Ройзман М.Д.* Всё, что помню о Есенине. М.: Советская Россия, 1973. Здесь и далее мемуары Ройзмана приводятся по этому изданию.

[8] См.: *Мариенгоф А.Б.* Роман без вранья; Циники; Мой век…: Романы / сост., подгот. текста, послесл. *Б. Аверина*. Л.: Художественная литература, 1988; *Мариенгоф А.Б.* Это вам, потомки! Записки сорокалетнего мужчины; Екатерина: роман / сост., подгот. текста, коммент. *Б. Аверина.* СПб.: Петро-РИФ, 1994.

[9] Среди книг, подготовленных А. Кобринским, стоит выделить: *Мариенгоф А.Б.* Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2001.

[10] См.: Неизвестный Мариенгоф: избранные стихи и поэмы 1916–1962 годов / сост., подгот. текста, прим., послесл. *А. Ласкина*. СПб.: Петрополь; Фонд русской поэзии; Лань, 1996.

[11] См.: *Хуттунен Т.* Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

нова[13] (Воронеж) далеки от московских и питерских архивов, поэтому заняты всесторонним анализом текстов, их интерпретацией и встраиванием в культурный контекст, научным комментированием.

4–5 апреля 2003 года состоялась конференция по имажинизму, организованная ИМЛИ РАН им. А.М.Горького, Государственным литературным музеем, кафедрой русской литературы ГосИРЯ им. Пушкина и Есенинским научным центром РГПУ им. С.А.Есенина. Её результаты опубликованы в сборнике статей «Русский имажинизм: история, теория, практика»[14]. Но и здесь материалов, проливающих свет на биографию Мариенгофа, не так много.

В 1991 году Дмитрий Месхиев снял фильм по роману «Циники». В 1994-м в Санкт-Петербурге прошёл вечер памяти Анатолия Борисовича, на котором выступали его близкие и друзья: Борис Мариенгоф (брат), Израиль Меттер, Нина Ольхина. В 1997 году поэт, литературовед и текстолог Эдуард Шнейдерман (1936–2012) подготовил сборник «Поэты-имажинисты»[15]. В трёхтомном собрании сочинений Ма-

---

[12] См.: *Сухов В.А.* Очерки о жизни и творчестве Анатолия Мариенгофа. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2007.

[13] См.: *Тернова Т.А.* Феномен маргинальности в литературе русского авангарда: имажинизм. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011.

[14] Русский имажинизм. История. Теория. Практика / под ред. *В.А. Дроздкова, А.Н. Захарова, Т.К. Савченко*. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

[15] Поэты-имажинисты / сост., подгот. текстов, биограф. заметки и прим. *Э.М. Шнейдермана*. СПб.: Петербургский писатель; Аграф, 1997.

риенгофа 2013 года появилась серьёзная статья саратовского прозаика, литературного критика и журналиста Алексея Колобродова «Оправдание циника: Анатолий Мариенгоф как витрина чёрного пиара».

Сегодня интерес к Мариенгофу подогревают постановки спектаклей по роману «Циники» (хотя пьесы остаются невостребованными; единственное исключение – «Шут Балакирев»[16], периодически ставившийся за последние двадцать лет то в России, то в Казахстане) и большая любовь почитателей его творчества (Захар Прилепин, Андрей Позднухов, Сергей Минаев и т.д.).

Немало сделал для понимания Мариенгофа как человека Захар Прилепин. Он написал большой очерк «Синематографическая история», попавший в собрание сочинений Анатолия Борисовича; издал книгу в серии «Библиотека Захара Прилепина»[17], сопроводив её предисловием «Едва различимый силуэт»; наконец, подготовил биографию «“В то время лиры пели, как гроза”: жизнь и строфы Анатолия Мариенгофа»[18]. Когда в Пензе шли горячие споры, чьим именем назвать новую площадь – Татлина? Мариенгофа? – появилось письмо Захара Прилепина и представителей нашей интелли-

---

[16] Не путать с одноимённой пьесой Григория Горина, которая и по сей день идёт в Ленкоме.

[17] *Мариенгоф А.Б.* «В то время лиры пели, как гроза». Избранное / сост. и предисл. *З. Прилепина*. М.: Молодая гвардия, 2015.

[18] *Прилепин З.* Непохожие поэты. Трагедия и судьбы большевистской эпохи. Мариенгоф. Корнилов. Луговской. М.: Молодая гвардия, 2015.

генции с обращением к мэру города присвоить площади имя нашего героя. Из этого, к сожалению, ничего не получилось, но пензенские чиновники пообещали назвать именем Мариенгофа улицу и озаботиться памятными местами, связанными с жизнью писателя. 11 сентября 2015 года на гимназии, в которой учился Анатолий Борисович, была установлена мемориальная доска.

В Нижнем Новгороде на доме, в котором жил Мариенгоф, 25 февраля 2016 года установлена ещё одна памятная доска. 17 июня 2016-го в деревне Плетниха Пильнинского района Нижегородской области появилась улица Мариенгофа.

Кажется, удалось восстановить историческую справедливость. И эта книга, надеется автор, внесёт свой вклад в «реабилитацию» Анатолия Борисовича.

Книга писалась не один год. Некоторые материалы уже появлялись в печати[19]. И на протяжении всего этого времени были люди, без которых и собрание сочинений, и эта книга, и в целом работа над творческим наследием Мариенгофа попросту не состоялась бы. Безмерная благодарность за это Екатерине Демидовой, Кристине Пантелеевой, Ан-

---

[19] См.: *Демидов О.В.* Булгаков и имажинисты // Сибирские огни. 2013. № 6; *Демидов О.В.* Мариенгоф и Глазков: к истории взаимоотношений // Homo Legens. 2014. № 1; *Демидов О.В.* Мандельштам и имажинисты // Homo Legens. 2015. №4; его же. Мариенгоф и Мандельштам // Нижний Новгород. 2016. № 1; *Демидов О.В.* Жизнь и творчество Мариенгофа во время Великой Отечественной войны // Сура. 2015. № 4; *Демидов О.В.* Анатолий Мариенгоф: драма в пяти действиях // Октябрь. 2017. № 1.

не Карповой, Анне Коваловой, Галине Сухаревой, Дмитрию Ларионову, Зинаиде Одолламской, Юлии Медведевой, Татьяне Лисик, Дмитрию Борисову, Роману Рудакову, Татьяне Слаутиной, Юлии Подлубновой, Дмитрию Неустроеву, Захару Прилепину, Валерию Сухову, Татьяне Терновой, Томи Хуттунену, Александру Ласкину, Владимиру Дроздкову, Николаю Леонтьеву, Михаилу Павловцу, Евгении Вежлян, Юрию Орлицкому, Дарье Суховей, Ирине Винокуровой, Андрею Добрынину, Алексею Колобродову, Гиву Лахути, Татьяне Щегляевой-Барто.

Глава первая
Детство, отрочество, юность

«Первый младенческий крик мой»

В стихотворении «Развратничаю с вдохновением» (1920) Мариенгоф пишет:

Не правда ли, забавно,
Что первый младенческий крик мой
Прозвенел в Н.-Новгороде на Лыковой Дамбе.

Случилось это в 1897 *году в ночь*
Под Ивана Купало,
Как раз —

Когда зацветает
Папоротник
В бесовской яме.

На улице Лыковая Дамба, рядом с нижегородским Кремлём, стоял большой деревянный одноэтажный дом с мезонином (до наших дней он не сохранился); в нём семья Мариенгофа провела как минимум пару лет.

Каким был город в то время, пишет сам Мариенгоф:

> *«Высокотравные берега, мягкий деревянный мост через Волгу, булыжные съезды, окаймлённые по весне и в осень пенистыми ручьями. Город не высокорослый, не шумный, с лихачами на дутых шинах и маленькими весёлыми трамвайчиками – вторыми в России»*[20].

Родители его – Борис Михайлович Мариенгоф (1873–1918) и Александра Николаевна Хлопова (1870– 1912). По некоторым данным, в молодости они были актёрами, часто гастролировали по стране, но оставили сцену и посвятили себя детям. Помимо сына Анатолия была у них дочь Руфима (Руфина) (1903–1983).

Официальные данные о родителях Анатолия Борисовича удалось выяснить Дмитрию Ларионову, нижегородскому поэту и литературоведу.

Александра Николаевна Хлопова родилась в 1870 году в имении под Ардатовом. Согласно «Посемейному списку мещан Нижнего Новгорода за 1895 год», их брак с Борисом Михайловичем Мариенгофом был зарегистрирован 26 сентября 1894 года. «Борис Михайлович Мариенгоф закончил привилегированное учебное заведение в Москве. В 1885 году отбывал воинскую повинность, будучи зачисленным в ратники ополчения. Был перечислен из мещан города Митавы (губернский город Курляндской губернии), где он и ро-

---

[20] *Мариенгоф А.Б.* Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. Кн. 2. С. 127–128. Далее – «Мой век…», с указанием страниц.

дился, в Нижегородское купечество, и 4 мая 1894 года новокрещён в Нижнем Новгороде»[21].

Из тех же документов мы знаем, что к 1911 году Борис Михайлович уже был торговцем. Проживала семья по адресу: Большая Покровская, д.10. Это был доходный дом Чеснокова и Кудряшова. Состоял он из двух частей: в одной Борис Михайлович имел контору, представляющую его фирму, а во второй на четвёртом этаже располагалась квартира Мариенгофов.

Есть описание дачи в окрестностях города:

> *«Мы живём на даче под Нижним на высоком окском берегу. В безлунные летние ночи с крутогора широкая река кажется верёвочкой. На вёрсты сосновый лес. Дерево прямое и длинное, как в первый раз отточенный карандаш. В августе сосны скрипят и плачут. Дача у нас большая, двухэтажная, с башней. Обвязана террасами, верандами, балкончиками. Крыша – весёлыми шашками: зелёными, жёлтыми, красными и голубыми. Окна в резных деревянных мережках, прошивках и ажурной строчке. Аллеи, площадки, башня, комнаты, веранды и террасы заселены несмолкаемым галдежом»*[22].

Это отрывок из художественного произведения, однако

---

[21] *Ларионов Д.В.* Восклицательная запятая // Свободная пресса. Нижний Новгород. 2016. № 15 (2446). 12 февраля.

[22] *Мариенгоф А.Б.* Циники // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. Кн. 1. С. 116. Далее – «Циники», с указанием страниц.

мы знаем главный принцип Мариенгофа – смешение реальных фактов с вымыслом. Дача была на самом деле, о чём говорят архивные выписки Дмитрия Ларионова:

> *«В Нижнем Новгороде Александре Николаевне принадлежал деревянный одноэтажный дом с мезонином, находившийся в первой Кремлёвской части, как сейчас бы сказали, в самом престижном месте города. В* 1910 *году его стоимость составляла* 301 *рубль. Ей же принадлежал деревянный дом на Мызе – третий участок, №* 664*».*

О предках Мариенгофа практически ничего не известно. По материнской линии можно проследить только горизонтальные связи – до сестры Нины. Она любила племянника, посылала два раза в год по сто рублей – деньги по тем временам немалые, особенно если учесть, что Нина Николаевна была всего лишь учительницей в женском Екатерининском институте и жила на скромное жалованье.

По линии отца следы ведут в Курляндскую губернию. Там и сейчас на территориях современных балтийских стран, а также в близлежащей Германии встречаются небольшие городки и деревеньки – *Marienhof*, что переводится примерно как «усадьба на морском берегу».

Михаил Мариенгоф, дед писателя, был мот и жизнелюб, деньги тратил не глядя и умер после весёлой попойки.

Анатолий Борисович вспоминал:

> *«В громадном семейном альбоме я любил его*

портрет: красавец в цилиндре стального цвета, в сюртуке стального цвета, в узких штанах со штрипками и чёрными лампасами. Он был лошадник, собачник, картёжник, цыганолюб, прокутивший за свою недлинную жизнь всё, что прокутить было можно и что нельзя»[23].

Михаил Мариенгоф – растратчик фамильного состояния; Борис Михайлович, его сын, вместе с женой – малоизвестные актёры… Как видим, денег в семье практически не было: обедневшие представители первого сословия еле сводили концы с концами. И тем не менее отец Анатолия взялся за серьёзную работу и мог себе позволить нанять няню для малышей.

Анатолий рос избалованным и капризным. Главное правило отца – ребёнок до всего должен дойти сам. Если из-за его блажи будет уволена старая нянька, «этот уют и покой дома», которая не может достать закатившийся под диван мячик, – что ж, так тому и быть. Мальчик должен учиться на своих ошибках.

История – принципиально для Мариенгофа важная. В мемуарах его читаем:

«Вероятно, многие считают, что угрызения совести – это не больше чем литературное выражение, достаточно устаревшее в наши трезвые дни. Нет, я с этим не могу согласиться! Вот уже более полувека

---

[23] «Мой век…». С. 153.

меня угрызает совесть за ту гнусную историю с мячиком, закатившимся под турецкий диван»[24].

Учился Анатолий в детском пансионе, которым управляла Марья Фёдоровна Трифонова. Позже именно она поможет оболтусу поступить в Дворянский институт[25]. Вступительный экзамен по русскому языку, впрочем, всё равно сдаётся на тройку. Проблемы с этим предметом у Мариенгофа были всегда. Это отмечали все современники – и завистники, и друзья. Если обратиться к архивам, посмотреть на рукописи и машинописи уже взрослого пятидесятилетнего человека, можно найти совершенно детские ошибки.

О Дворянском институте воспоминания останутся настолько яркими, что образ молодого институтца появится не только в мемуарах, но и в романе «Бритый человек».

Здесь же – первый литературный опыт.

> «Мы решили издавать журнал. Мы – это задумчивый нежный красавчик Серёжа Бирюков, барон Жоржик Жомини по прозвищу Япошка и я. <…> Будущему журналу даём название “Сфинкс”. Почему? В том единственном номере, который нам удалось выпустить,

---

[24] Там же. С. 132.

[25] Полное название – Нижегородский дворянский институт императора Александра II. Помимо Анатолия Мариенгофа, несколькими годами позже там учился и другой имажинист – Григорий Шмерельсон. Вместе с нашим героем учился В.Н.Яхонтов – известный актёр и чтец стихов. Об этом сообщает А.Б.Никритина в письме к Г.Маквею (от 10 октября 1976): «… когда тот приезжал в Ленинград и они встречались, всегда вспоминали [прошлое]».

ничего загадочного не было. Серёжа Бирюков сочинил рассказ о собаке. Разумеется, она была гораздо умней, добрей и порядочней человека. Так уж принято писать о собаках, что в сравнении с ними наш брат довольно противное животное. Япошка нарисовал ядовитые карикатуры: на директора Касторку с Клецкой, сидящего в столовой ложке. Малыш в институтском мундире глядел с омерзением на это лекарство. Подпись: “Фу-у-у! Не хочу!” Вторая карикатура была на классного надзирателя Стрижа. Он порхал в нашем саду и пачкал на головы веселящихся институтцев.

Ну а я напечатал в “Сфинксе” стихотворение. Помню только две первые строчки:

Волны, пенясь, отбегали
И журчали вдалеке…

Журнал приняли в классе бурно. Он переходил из рук в руки, читался вслух, обсуждался. Рассказ про собаку и лихие карикатуры оказались в глазах институтцев, как ни странно, не бог весть чем. Этому все поверили. Но сочинить стихотворение в правильном метре, да ещё с настоящими рифмами – “Э, надувательство!”»[26]

Здесь же – Лидочка Орнацкая, первая любовь, и новые уроки, которые преподносит жизнь. С девушкой Анатолий

[26] Там же. С. 137–138.

ходит в театр, гуляет по городу, катается на коньках. Чтобы отбить возлюбленную у «вихрастого гимназиста» Васи Косоворотова, юнец намекает девушке на бедность своего соперника: когда парочка в очередной раз катается на коньках, наш герой указывает Лидочке на Васю, который зайцем пробирается на каток.

Дело сделано, но, придя домой и рассказав отцу о своём поступке, он получает неожиданную отповедь:

> *«Так. Значит, победитель? Победитель!.. А чем же это ты одолел своего соперника? А? Тем, что у тебя есть двугривенный, чтобы заплатить за билет, а у него нет?.. Н-да! Ты у меня, как погляжу, герой. Горжусь тобой, Анатолий. Продолжай в том же духе. И со временем из тебя выйдет порядочный сукин сын»*[27].

Учился Мариенгоф на «удовлетворительно», и более того – умудрился схлопотать три итоговых двойки, из-за чего должен был остаться на второй год. Но случилось непредвиденное: семья лишается матери. Диагноз врачей неутешителен – рак желудка. Александра Николаевна умирает долго и тяжко. Анатолий в свои семнадцать лет переносит удар стойко, но каменеет сердцем, уходит в чтение классики (древнегреческие философы, Шекспир, Уайльд, Толстой, Чехов), которая будет сопровождать его всю последующую жизнь, и примеряет маску полубезумного паяца.

---

[27] Там же. С. 144–145.

В это время Борису Михайловичу поступает предложение от английского акционерного общества «Граммофон» («Пишущий Амур») стать его пензенским представителем. Недолго думая, он соглашается, берёт детей и уезжает из Нижнего Новгорода.

«Пенза толстопятая»

Семейство селится по адресу: Казанская улица, дом №15. Чтобы понять, что собой представлял город, обратимся к прозе Мариенгофа, а именно – к «Бритому человеку»:

> *«Наша Пенза тиха и пустыннолюдна. Даже на главной улице панель оживала только в исключительных случаях: когда на неё въезжал подвыпивший велосипедист или извозчичья кобыла с хвостом, завязанным в узел как пучок на голове старой девы, заинтересовывалась витриной галантерейного магазина бр. Слонимских <…> Милая Сура, всегда вижу твой второй берег – то зелёный, то глинистый, то пыльный, то лесистый, то оскуделый, то пышный и кудрявый, как рококо. До чего же я люблю в жизни – этот второй берег…»*

Галантерейный магазин братьев Слонимских находился в известном всему городу доме, построенном Рахилью Исааковной Слонимской в 1913–1914 годах. До наших дней дом не сохранился – снесён в семидесятых. До того, как нижний этаж полностью заняли магазины, горожане могли наблюдать здесь любопытные «выставки». Так, с 17 ноября 1913 года демонстрировалось «два феномена»: «18-летняя девушка-великанша Отилия весом 13 пудов 18 фунтов, уроженка Курляндии, на конгрессе в Берлине в 1911 году признанная

единственной во всей Европе по своей колоссальности, и великан, юноша Ваня Марченко, 18-ти лет от роду и 3-х аршин и 4,5 вершков вышины»[28].

Вскоре Слонимская разместила в доме свой магазин с отделами галантереи, белья, дамских шляп, обуви и дорожных вещей. Магазин существовал под фирмой «Р.И.Слонимская с сыновьями».

Здесь же, на Московской улице, располагался кафешантан «Эрмитаж». В газетах часто появлялись объявления о развлекательной программе кафе-ресторана: «Новые дебюты интернациональной субретки Люссет, знаменитой танцовщицы петербургских варьете Огиевской, шансонетки Казабианки, субретки Люси, новый жанр шансонетки Хризантен, неподражаемый венгерский дуэт Илькай, любимицы публики Гриневской, исполнительницы русских песен и танцовщицы Ланге, субретки Пальской и много других»[29].

Любопытна ещё одна деталь, важная для понимания Мариенгофа как человека:

> *«В Пензе было всего несколько еврейских семейств, но, по уверению Лео, благодаря тому, что Исаак Исаакович, как только проглядывало солнце, выходил на Московскую улицу*
>
> *“прогуляться”; как только на столбе появлялась*

---

[28] *Мариенгоф А.Б.* Бритый человек // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. Кн. 1. С. 133–166. Далее – «Бритый человек», с указанием страниц.

[29] Там же.

афиша с заезжим гастролёром – покупал “место в креслах”; как только открылась первая в городе кофейная “Три грации” бр. Кузьминых – абонировал на файфоклоковское время столик у окна; как только в столицах вошло в моду танго – стал танцевать его на благотворительных балах, устраиваемых госпожой фон-Лилиенфельд-Тоаль; наконец, потому, что Исаак Исаакович был биллиардист, поэт, винтер, охотник, рыболов, дамский угождатель, любитель-фотограф, старшина обоих клубов и дружинник вольно-пожарного общества, – казалось, что Пенза донельзя населена евреями»[30].

Анатолий Борисович никогда не считал себя евреем. Более того, не задавался этим вопросом. Он был, мягко говоря, максимально интернационален. Хотя на старости лет в его широчайший круг общения входили преимущественно евреи.

В опубликованных недавно воспоминаниях Рюрика Ивнева – книге «Тени истины»[31] – постоянные раздумья о еврейском вопросе, как в царской России, так и в СССР; Израиль Меттер получил итальянскую премию «Гринцана Кавур» за повесть «Пятый угол» о прозе еврейской жизни; Матвей Ройзман открывает свой поэтический сборник «Хевронское вино» (1923) поэмой «Кол Нидрей»[32], «где, всплес-

---

[30] Там же. С. 193–194.

[31] *Ивнев Р.А.* Тени истины // Нижний Новгород. 2017. № 4.

[32] Кол Нидрей – торжественное публичное расторжение всех обетов. Читает-

нув руками, / встречный ветер закричит: “Ой, эйл молей рахамим!”»[33]. Но – в отличие от этих трёх литераторов – у Мариенгофа вы никогда не найдёте ничего подобного. Поэтому в нашем случае еврейский вопрос можно закрыть и вернуться к повествованию.

Смена обстановки благотворно действует на Бориса Михайловича и детей, но память об утрате не уходит. Если сидеть на месте, тоска съест живьём. Нужно серьёзное дело или путешествие. Борис Михайлович выбирает последнее. Чтобы хоть немного отвлечь детей от горя, он задумал выехать на месяц в Швейцарию. Но Анатолий, заваливший учёбу в Нижнем Новгороде, рискует остаться второгодником, поэтому юноша решает никуда не ехать, а упорно готовиться всё лето, чтобы держать экзамен в пензенскую гимназию.

Испытание это он с лёгкостью преодолевает. Одна тройка по русскому языку, остальные предметы на «отлично». Так Анатолий становится учеником Третьей частной гимназии С.А. Пономарёва, где в 1914 году начинаются его новые литературные и издательские дела – журнал «Мираж», «более чем наполовину заполненный собственными стихами, рассказами, статейками». Журнал до сих пор не найден, но раз нашёлся первый имажинистский альманах «Исход» – его Мариенгоф дарил каждому встречному и этим облегчил

ся вначале вечерней службы Иом (Ём) Кипура. Называется по двум начальным словам, которые значат: «Все обеты».

[33] «Ой, эйл молей рахамим» – начальные слова молитвы по усопшим: «Бог, исполненный милосердия».

задачу филологов, – то почему бы не найтись и «Миражу»; если, конечно, он не оказался миражом и авторской выдумкой.

В Пензе появляются друзья, с которыми Анатолий будет покорять Москву, – Иван Старцев, Сергей Громан, Григорий Колобов – и новые девушки: сохранилась фотография 1915 года, на которой Мариенгоф и Громан запечатлены с Надеждой Трофимовой и Татьяной Соколовой. Мариенгоф уже зачитывался стихами символистов и футуристов, знал об их громких эпатажных акциях, переодеваниях и т.д. Поэтому они с Сергеем Громаном тоже решаются на что-нибудь эдакое: меняются с девушками верхней одеждой и шляпками, гуляют по Пензе и фотографируются «для вечности» в таком облачении. Карточку подписывают так: «Шали, пока шалится!».

Кажется, никто ещё не обращал внимания на то, что Татьяна Соколова, очередная любовь юного поэта, зашифрована в мемуарах как Тонечка Орлова, а Надежда Трофимова – как Мурочка Тропимова. Приведём небольшой фрагмент.

> «История историей, война войной, Пенза Пензой.
>
> Третий месяц мы ходим в театр, в кинематограф и гуляем по левой стороне Московской улицы всегда втроём: я, Тонечка Орлова и её лучшая подруга Мура Тропимова. О Тонечке я уже написал венок сонетов. Я сравнивал её с июльским пшеничным колосом.
>
> А её лучшая подруга – коротенькая, широконькая, толстоносенькая и пучеглазая.

– Толя, подождём Муру, – лукаво говорит Тоня.

Я отдуваюсь:

– Уф!

– Но она очень весёлая, добрая и совсем неглупая. Разве вы не согласны?

– Согласен, согласен.

“Лучшую подругу” я ненавидел лютой ненавистью только за то, что Тоня без неё шагу не делала.

– Мурка Третья!.. Прицеп!.. Хвост!

– Что это вы там бурчите?

– Так. Несколько нежных слов о Мурочке.

И спрашиваю себя мысленно: “Почему у всех хорошеньких девушек обязательно бывают «лучшие подруги» и обязательно они дурнушки? Что за странное правило почти без исключений? Хитрость?.. Случай?.. Ох, нет! Только не случай!.. Расчёт, расчёт!.. Математически точный женский расчёт”».[34]

Был ли венок сонетов или нет, не знаем. Этот жанр вообще не свойствен Мариенгофу. Правда, есть вероятность, что юношеские стихи до нас не дошли. Зато дошло другое стихотворение – «Из сердца в ладонях», которое поэт посвятил, видимо, очередной «Прекрасной даме» – Эльзе фон Мондрах[35]:

Из сердца в ладонях
Несу любовь.

---

[34] «Мой век…». С. 171–172.

[35] Кто скрывается за этим именем, установить не удалось.

Её возьми –
Как голову Иоканана,
Как голову Олоферна…
Она мне, как революции – новь,
Как нож гильотины —
Марату[36]*,*
Как Еве – змий.
Она мне, как правоверному —
Стих
Корана,
Как, за Распятого,
Иуде – осины
Сук…
Всего кладу себя на огонь
Уст твоих,
На лилии рук.

---

[36] Позже эти отрубленные головы (у Мариенгофа их, пожалуй, очень много) полетят с гильотины у Маяковского в его стихах из Парижа («Версаль», 1924–1925): «Всем, / ещё имеющим / купоны / и монеты, / всем царям – / ещё имеющимся – / в назидание: / с гильотины неба, / головой Антуанетты, / солнце / покатилось / умирать на зданиях».

Юнга

Отец перевёз детей в Пензу: новый город, новый дом, новая работа. Но начало учебного года для юного Анатолия задерживается. Узнав, что в гимназии практикуются небольшие морские путешествия, Борис Михайлович отправляет сына в плавание – развлечение для юного романтика подходит как нельзя лучше.

28 октября (по старому стилю) 1914 года в газете «Пензенские губернские ведомости» появляется отчёт ученика-экскурсанта «Полтора месяца на шхуне “Утро”». Из той же газеты можно узнать, что петроградский комитет морских экскурсий каждое лето устраивает морские экскурсии на судах «Утро» (парусная шхуна), «Ильмень» (пароход) и «Азия» (клипер)[37].

Жизнь юнги больше походит на военную службу: он исполняет все матросские обязанности, отбывает вахты, с ним занимаются строевой подготовкой, стрельбой и греблей. Во время плавания шхуна заходила в портовые города, мальчишки смогли своими глазами увидеть других людей, другие нравы и, как это им представлялось, полную романтики жизнь «старых морских волков».

Первое самостоятельное путешествие для Анатолия ока-

---

[37] Подробнее об этом см.: *Сухов В.А.* Дебют Анатолия Мариенгофа // Сура. 2010. № 5 (99).

зывается судьбоносным. Во-первых, он побывал в Петрограде – куда его будет тянуть всю московскую жизнь и в конце концов перетянет: он останется в Ленинграде до самых седин. Забегая вперёд, скажем, что Мариенгоф будет любовно называть этот город не иначе как Санкт-Ленинград. Во-вторых, появляется первая публикация – пусть и не стихов, которыми полон юноша, но всё же. В-третьих, вся эта морская тематика останется в творчестве Мариенгофа, начиная от «Острым холодным прорежу килем / Тяжёлую волну солёных дней…» и «Я пришёл к тебе, древнее вече…» («Ушкуйничать поплывём на низовья / И Волги и к гребням Урала») – и заканчивая большими пьесами о создании Петром I русского флота и огромными романами об истории Санкт-Петербурга.

Что и говорить: путешествие удалось на славу. Шхуна «Утро» за два месяца заплыла в Кронштадт, финские острова, Гельсингфорс (Хельсинки), Мальмё (третий по величине город Швеции), Копенгаген, Либаву (Лиепая – небольшой латвийский городок), Стокгольм, мыс Гангут (полуостров Ханко, Финляндия), Лайвик (Норвегия).

Видели экскурсанты английскую эскадру и военный дредноут «Lion» – огромный, раз в десять как минимум превосходящий любую шхуну. Всё снаряжение, которое на него ставилось, – пушки, пулемёты и пр., – имело исключительно крупный калибр. С английского «дредноут» переводится как «неустрашимый». Представьте себе, что испытал семнадца-

тилетний Мариенгоф, лишь вчера ступивший на палубу!

Успели экскурсанты почувствовать и близкую опасность кораблекрушения: наперерез их шхуне неслась рыболовецкая лодчонка, но, к счастью, прошмыгнула перед самым носом. Узнали, что такое морская болезнь. Видели непроглядный туман, который, рассеявшись, обнажил вокруг сотни парусных судов со всего мира: встречали шведского короля, прибывшего на Балтийскую выставку в Мальмё. А позже в том же шведском городе неожиданно встретили старого русского адмирала, с которым крепко сдружились; морской волк рассказывал им занимательные истории о своих приключениях.

На пути в Стокгольм мальчишки попали в зубодробительную качку. Мариенгоф писал в отчёте: «13 июля качка, какой ещё не было за всё время плавания. Летают миски, чашки, табуреты, и наконец, и мы грешные». В самом Стокгольме устраивали гонки на шлюпках и салютовали шведскому флоту. Причаливали к мысу Гангут, чтобы участвовать в торжествах по случаю двухсотлетия Гангутской битвы. И уже в Лайвике узнали, что началась Первая мировая война.

> *«Вечером миноносец сообщил нам, что Франция и Англия объявили войну Германии. В ответ грянуло дружное и радостное “ура!”. 22 утром нам сообщено приказание затопить шхуну и самим отправляться по железной дороге в Петроград. Для принятия инвентаря явился транспорт. Мы занялись было мародёрством,*

но велено всё оставить и ничего не трогать. Подвели нас к транспорту. Раздалась команда: “Пошли все наверх, повахтенно во фронт к спуску флагов”! Выстроились. Тяжёлая минута. “Флаг спустить”. Голос старшего офицера дрогнул. Обнажились головы, у всех на глазах слёзы. “Разойтись! на катера!” Взяли на память со шхуны деревяшки, куски верёвок и отправились со своего судна, с которым так сроднились. Долго и трогательно прощались с командиром. Ещё труднее было проститься с морем, которое мы все так полюбили. В 8 *ч.* 15 *м. вечера поезд увозил нас из Лайвика».*

Через Финляндию гимназисты-экскурсанты возвращаются в Петроград. Успевают за два дня, потом – день, ночь, день, ночь – возвращаются в Пензу. С вокзала Анатолий бежит домой и с порога заявляет отцу, что пойдёт добровольцем на фронт. Борис Михайлович не против, но только в том случае, если юноша окончит гимназию. Возмущению молодого романтика не было предела.

Самое время вспомнить эпизод из «Циников».

«Гогины обиженные губы обижаются ещё больше.

– Только подлецы, Ольга, во время войны могли решать задачки по алгебре. Прощай.

Он протягивает мне руку с нежными женскими пальцами. Даже не пальцами, а пальчиками. Я крепко сжимаю их:

– До свидания, Гога. <…>

– Для чего вы меня огорчаете, Владимир Васильевич? Я был бы так счастлив умереть за Россию.

Бедный ангел! Его непременно подстрелят, как куропатку».[38]

Молодые во все времена одинаковы – безрассудны и горячи. Если началась война, нельзя стоять в стороне.

[38] «Циники». С. 22.

Прапорщик царской армии

Пока наш герой учился в гимназии, он успел ещё и побывать земгусаром. Сегодня это словечко малопонятно: вроде что-то армейское, а вроде и нет. Поэтому давайте разберёмся, чем занимался Мариенгоф.

Историк Иван Толстой на «Радио “Свобода”» дал такое описание Земгору: «Организация эта была (и есть, слава богу, до сих пор) насквозь русским творением, со всем непременным и столь знакомым набором – бородами, французским языком, безалаберностью, литературными наклонностями и пожизненным, как нравственное клеймо, служением народу. Вероятно, самой симпатичной в земгоровских лидерах была именно эта принадлежность к ордену русской интеллигенции».

Неудивительно, что рафинированный пензенский юноша оказался в такой организации. Чем же он занимался?

В России, даже в разгар мировой войны, процветали коррупция и казнокрадство. Солдатам приходило непригодное обмундирование, кормили плохо и т.д. Чтобы исправить положение дел в снабжении армии, был образован комитет Всероссийских земского и городского союзов. Член этого комитета, земгор, посредничал между госзаказами и производителями. При этом комитет не становился госструктурой. Это была демократическая гражданская платформа патри-

отов своей страны. Земгорами были поэт А.А. Блок, князь С.Е. Трубецкой, князь Г.Е. Львов, московский городской голова (на сегодняшний манер – мэр) М.В. Челноков и, как ни странно, будущий украинский националист С.В. Петлюра.

Отчего земгоры стали земгусарами? Последнее название появилось благодаря тому, что земгоры ходили в форме, очень похожей на военную, хотя были штатскими людьми. Да и не просто ходили, а щеголяли. Взглянуть хотя бы на фотокарточку Мариенгофа в форме земгора – денди, франт, щёголь. А работа у нашего молодого героя заключалась скорее всего в перебирании крайне важных бумажек. Но это продлилось недолго.

Нелюбимую гимназию Анатолий наконец-то заканчивает: на одни тройки – по всем предметам без исключения. Представить поэта той поры нам помогает Роман Гуль: «Он учился в Третьей гимназии (весьма неважной), а я в Первой. Щеголял он по Московской улице в чёрной форме с красными петлицами, это была форма какого-то среднего учебного заведения в Нижнем Новгороде, откуда он приехал» [39]. То есть мало того, что гимназия не очень приметная, так и в ней Анатолий Борисович умудрялся не учиться как следует. Что ж, есть в русской литературе и такие писатели.

О будущем юноша задумывался давно. Ещё во время путешествия на шхуне, стоя на носу судёнышка, соображал:

---

[39] *Гуль Р.Б.* Я унёс Россию. Апология эмиграции: в 3 т. Т. 1. М.: БСГ-ПРЕСС, 2001. С. 168.

«Моряк, адвокат или поэт? Один из миллионов или один на миллионы?»[40]

Но чем ближе был конец учёбы в Пономарёвской гимназии, тем яснее становилось, чего ожидать. В мемуарах Анатолий Борисович припоминал:

«А теперь? <…> Какие теперь планы? Какое будущее? Вот оно, как на ладони: окончание гимназии без выпускных экзаменов, школа прапорщиков, действующая армия. А уж разговаривать будем после войны, если только не угодим в братскую могилу».[41]

Здесь необходимо остановиться и обратить внимание на один значимый нюанс. Окончив в 1916 году гимназию, Мариенгоф отправляется в Москву и успевает полгода отучиться на юридическом факультете Московского университета. Примерно в это же время там должны были учиться будущие имажинисты Вадим Шершеневич (сначала на математическом факультете, а после – на историко-филологическом), Александр Кусиков (юридический факультет) и Иван Грузинов (историко-филологический факультет). Чуть раньше них – Сергей Клычков, поэт новокрестьянской купницы (историко-филологический факультет), вместе с Мариенгофом – пензенский знакомый и будущий эмигрант Роман Гуль. В анкетах поэты указывают всегда одно и то же: полгода от-

---

[40] «Мой век…». С. 167.

[41] Там же. С. 173.

учился, а потом ушёл на фронт или был отчислен. Ситуация вполне закономерная для военного времени.

На юридическом факультете читали лекции философы И.А. Ильин и Б.П. Вышеславцев, будущий национал-большевик Н.В. Устрялов, философ-евразиец Н.Н. Алексеев, профессор А.Л. Байков и приват-доцент Ю.В. Ключников. И только после полугода учёбы у таких именитых людей Анатолий Борисович попадает на фронт. Как это происходило, можно прочесть в воспоминаниях Романа Гуля:

> *«В* 1916 *году летом студентов моего года рождения призвали в армию: в офицерские школы. И в августе* 1916 *года я приехал в Москву уже не в университет, а в Московскую третью школу прапорщиков. Эти три школы были открыты для мобилизованных студентов в казармах у Дорогомиловской заставы, на окраине Москвы. Срок обучения краткий – четыре месяца. Так что в ноябре* 1916 *года я, успешно окончив школу, получил офицерский чин – прапорщика».*[42]

Подобная ситуация, вероятно, разыгралась и с Мариенгофом. Только он в отличие от своего товарища оказался не в родной Пензе, а попал по распределению в 14-ю инженерно-строительную дружину Западного фронта[43]. Солдаты этого подразделения строили траншеи, прокладывали дороги

---

[42] *Гуль Р.Б.* Я унёс Россию… Т. 1. С. 40.

[43] Вместе с ним служил и будущий актёр МХАТ Владимир Александрович Попов.

и перекладывали бревенчатые мосты. Война шла позиционная, поэтому большую часть времени войска стояли на месте, передвигались редко. Офицеры услаждались спиртом и сёстрами милосердия, простая солдатня скучала и пыталась вытравить вшей[44]. Прапорщик Мариенгоф охотился, рыбачил, играл в покер, ездил верхом на своем жеребце Каторжнике, ухаживал за медсёстрами. Когда случалась бомбёжка, он невозмутимо стоял на пороге госпиталя и курил. Девушки за его спиной шептались: «Ну разве не душка наш Анатоль?»

Почти дачные условия не могли не надоесть, и тогда решили поставить спектакль. Анатолий с горячим сердцем вызвался написать пьесу и за пару дней выполнил своё обещание. Появились «Жмурки Пьеретты» – в двух актах, в стихах (привет будущему, имажинистам!). Пьеса имела успех: офицеры, инженеры, врачи и генерал Ломашевич таяли «в эстетическом восторге».

Между тем в Петрограде – Февральская революция. Демонстрации, стачки, антивоенные митинги, хлебные бунты… Солдаты присоединяются к бастующим. Всё это перерастает в вооружённое восстание. Николай II свергнут. Власть лежит на тротуарах, бери – не хочу. Этим и пользуются большевики.

Но это в Петрограде. А на фронтах война тянулась. Ма-

---

[44] О прелестях такой жизни написан роман «Сахарный немец» Сергея Клычкова.

риенгофу же выпал отпуск. На пензенском вокзале, в зале первого класса, уже не отличимом от третьего, кишевшего серыми шинелями, к нему подошёл однорукий солдат, похожий на Достоевского, и потребовал снять погоны. Мариенгоф был бы не Мариенгоф, если бы в такой ситуации не встал на дыбы. Солдат только пожал плечами и ушёл. Анатолий же, оглядевшись, осознал, что подобные жесты могут окончиться плачевно. Зал был битком набит солдатами – детьми русской красной революции. Погоны были всё-таки сняты от греха подальше, и юноша поспешил домой.

На Казанской улице он оказался не скоро: доселе резвые, извозчики теперь еле плелись. Дома Анатолий проговорил с отцом восемь часов. Было о чём, да и выслушать старика надо: Борису Михайловичу необходимо было рассказать сыну новые, весьма приятные обстоятельства своей жизни.

Он женился второй раз – на Ольге Ионовне Липатовой (1893–1942)[45], которая к моменту приезда Анатолия уже ходила с животом. Новость эта, видимо, настолько шокировала Мариенгофа, что он потерял дар речи. Об этой истории из книг Анатолия Борисовича не узнать, и странными кажутся

[45] Б.Б. Мариенгоф вспоминал: «Моя мама <…> была очень красивой женщиной. В ранней молодости она участвовала в конкурсах красоты города Пензы и даже выходила на вторые и третьи места. Первых призов не получала, по ее словам, из-за короткой шеи. В предвоенные годы <…> мой отец Борис Михайлович Мариенгоф переехал в Пензу из Нижнего Новгорода. <…> Кассиром в его магазине была принята молодая красивая девушка Ольга Липатова. Вскоре она стала второй женой Бориса Михайловича. Она была на двадцать лет моложе его». Подробнее см.: *Мариенгоф Б.Б.* Жизнь без вранья. СПб., 2005.

следующие строчки:

Пусть ржавая кровью волна хлынет
И в ней годовалый брат захлебнётся.

Брат действительно появится – Борис Борисович Мариенгоф (1918–2002) – но чуть позже. Пока же Анатолий Борисович вместе с другом Гришей Колобовым присутствуют в качестве шаферов Бориса Михайловича на свадьбе, а пензенская интеллигенция играет в винт, спорит о Маяковском и большевиках.

СЛУХИ, ФАКТЫ И БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА

* * *

«Я отлично помню свою соску. Серьёзно! Даже помню, как я орал, когда мама пыталась отнять её у меня или обменять на новую – невкусную, необсосанную. В конце концов, как вы понимаете, эта любимая соска была у меня отобрана. “С позорным опозданием”, – как говорила тётя Нина. Пожалуй, она была права. Мне тогда пошёл уже третий год. Баловала мама своего первенца.

Теперь я думаю, что в удивительной верности своей соске было заложено природное свойство моего

характера: ещё трудней я впоследствии менял своих друзей и подруг… А жена у меня оказалась одной-единственной на всю жизнь. Это ведь редкий случай.

Следует добавить, что через двадцать лет, когда я уже стал почти знаменитым поэтом, эта соска мне даже приснилась. И сосал я её с упоением. “Исполнение желаний!” – сказал бы Фрейд…»

Анатолий Мариенгоф. «Роман с друзьями»

* * *

У В.Г.Короленко в статье «В голодный год» упоминается нижегородский губернский врач Мариенгоф. Мы имеем дело, конечно, не с поэтом, но, может быть, с его отцом? Период, о котором идёт речь у Короленко, – самое начало 1890-х годов.

«…Затем в заседание был “позван” из соседней комнаты врач г. Мариенгоф, который ознакомил нас с санитарным состоянием уезда. Для врача Мариенгофа не было места за столом, не было и стула, поэтому врач Мариенгоф стоял у порога в почтительной позе и в самом неудобном положении, потому что с огромнейшей ведомостью в руках… Тем не менее и несмотря на эти маленькие личные неудобства, санитарное состояние уезда изображено было в докладе смиренного врача Мариенгофа самыми оптимистическими чертами. Тифа не было “почти вовсе”. Остальные болезни дер-

жали себя так же почтительно, как и сам врач Мариенгоф: по какому-то странному влиянию несомненного неурожая, – “санитарное состояние уезда в этом году улучшилось против прежних лет”. Очевидно, самые болезни стремились угодить лукояновской комиссии. Председатель милостиво кивнул г. Мариенгофу головой, и г. Мариенгоф ушел со своей шуршащей ведомостью. Мы уже видели, какими цифрами более правдивый товарищ и единомышленник г. Мариенгофа, г. Эрбштейн, иллюстрировал “санитарное улучшение”, и потому не станем останавливаться на этом эпизоде, тем более что непосредственно за этим последовали эпизоды гораздо более драматичные…»[46]

Не самый приятный портрет. Мог ли этим врачом быть Борис Михайлович? Мариенгоф – довольно редкая фамилия, особенно для Нижегородской губернии. В письме Александра Крона встречается такая строчка: «Отец его, крещёный еврей, был известным в своем городе врачом». Крон тесно общался с Израилем Меттером и наверняка часто бывал в гостях либо у него, либо у Мариенгофа, либо в писательском доме на канале Грибоедова. Мог ли ошибаться драматург? Вполне. Однако стоит этот нюанс иметь в виду.

---

[46] *Короленко В.Г.* В голодный год: наблюдения, размышления и заметки. СПб.: Ред. журн. «Русское Богатство», 1894. С. 167–168.

* * *

«Во время великого поста мы с няней причащались по нескольку раз в день. Церквей в Нижнем Новгороде, как сказано, было вдосталь, и мы поспевали в одну, другую, третью. В каждой съедали кусочек просфоры – это тело Христово – и выпивали ложечку терпкого красного вина. Оно считается его кровью. Да ещё “теплоту”. Опять же винцо. Ах, как это вкусно! И оба – старуха и ребенок – возвращались домой навеселе. Родители, само собой, ничего об этом не знали. Это была наша сокровенная тайна! Человек в четыре года очень скрытен и очень расчётлив. Только наивные взрослые всё выбалтывают во вред себе».

Анатолий Мариенгоф. «Мой век…»

* * *

Батарей обрывки клубы
Быстрых бархатов обвили.
Побежал инкуб рубинов
Оборвать оба на башнях,
Зубы выбитых барбетов
Бороздить бурьяном бомб.
В небесах балет болидов

Бросил бусы. Бронза брызг!
К облакам батальный бант.
Брёвна, сабли, губы, рёбра
Раздробить в багровый борщ.
«Брац!..»
«Урра-а-а-а-а!..»
Трубы бреют бубны боли;
Бредит братом барабан.

Иван Грузинов. «Бубны боли»

* * *

«Мы возвращались через Финляндию в Петербург вместе с курортными расфуфыренными дамами в шляпах набекрень или сползших на затылки, как у подвыпивших мастеровых. Возвращались с дамами в слишком дорогих платьях, но с нечёсаными волосами и губной помадой, размазанной по сальным ненапудренным подбородкам. Эти дамы, откормленные, как рождественские индюшки, эти осатаневшие дамы, преимущественно буржуазки, – дрались, царапались и кусались из-за места в вагоне для себя и для своих толстобрюхих кожаных чемоданов. Одна красивая стерва с болтающимися в ушах жирными бриллиантами едва не перегрызла мне большой палец на правой руке, когда я отворил дверь в купе. К счастью, я уже знал назубок самый большой матросский “загиб”

и со смаком пустил его в дело.

Анатолий Мариенгоф. «Мой век…»

* * *

«В Пензе бессмысленно грабят все магазины на Московской улице. “Жги помещичьи усадьбы!”, “убивай буржуев!”. И жгут. И убивают всех, кто “подлежит уничтожению”. Ведь нет уже ни судов, ни судей, ни тюрем, ни полиции. “Всё поехало с основ”, как хотели того Шигалев и Верховенский».

Роман Гуль. «Я унёс Россию…»

* * *

Темно. Стреляют.
Мы? Они? Не всё ли равно!
Это день или месяц? Не знаю!
Может, снится? Отчего же так долго?
Пуля пролетела. Отчего же мимо?
А снег лежит сухой, тяжёлый —
Его не сдвинуть.
Пьяный солдат поёт:
«Вставай! Подымайся!..»
Кричит вороньё,
Да в сторожке баба завывает:

«На кого ты меня оставил?.. Боренька!
Родненький!
И пойду я по миру…»

Илья Эренбург. «У окна»

* * *

Лотти *(подходя, озираясь)*. Вот и Россия… родина катаклизма. Я лично больше всего боюсь приехать в Москву к шапочному разбору, к последнему акту исторической трагедии. А ещё хуже – после того. Я знаю только одно, что большевизм – это нечто неповторимое. По крайней мере, в ближайшие два-три столетия.

Арбатов. А я лично другого мнения, миссис Кервэлл: я думаю – повторимое. И не в столь далёком будущем.

Лотти. Серьёзно? И вы полагаете, что мы с вами не опоздаем в Москву?

Арбатов. Я думаю, что опоздать в Советскую Россию гораздо меньше шансов, чем в некоторые королевства или империи. Собираясь туда, неожиданно можно очутиться… в республике! И не исключена возможность, миссис Кервэлл, – даже в советской республике!

Анатолий Мариенгоф и Михаил Козаков. «Остров великих надежд»

Глава вторая
Первые шаги в литературе

Отцы и дети

Напрямую об этом нигде не говорится, но вполне возможно, что разочарование Бориса Михайловича в отце, прокутившем семейное состояние и равнодушном к будущему детей, пробудило в нём чрезмерную любовь к сыну. Что бы Толя ни делал, отец всегда пытается быть на его стороне, старается понять.

Вот несколько случаев, помогающих разобраться в отношениях Бориса Михайловича и Анатолия Борисовича.

Эпизод первый, о котором мы уже упоминали, – про уволенную няню. Маленький Толя играет с мячиком, тот закатывается под диван. Юнец не хочет лезть сам и заставляет пожилую женщину. Старушка отказывается – и тогда Толя кричит матери: «Убери!.. Убери от меня эту старуху!.. Ленивую, противную старуху!..» Поведение, мягко сказать, безобразное. И вместо того, чтобы отшлёпать сорванца, отец рассчитывает бедную женщину; правда, понимая свою несправедливость, даёт ей «наградные» – три золотые десятирублёвки.

Эпизод второй – про первые шаги в литературе. Ребёнок с восьми лет начал «точить серебряные лясы». Склонность к поэзии проявилась у Толи рано, благо в доме водились книги не только классические, но и современные. Институтцем же он всерьёз увлекается Блоком, пропускает через себя стихи Маяковского и приносит отцу свою первую поэму. Борис Михайлович прячет улыбку и слушает выступление сына:

Тебе, любви поборница святая,
Тебе, наложница толпы,
Тебе, за деньги женщина нагая, —
Осанна и цветы!

«Примерно после четвертой-пятой строфы отец стал слегка позёвывать, всякий раз прикрывая ладонью рот.

– Тебе скучно, папа?

– Если говорить по правде, – скучновато.

– Не нравится?

– Нет, не нравится.

– Почему?

– Как тебе сказать… Видишь ли…

Он подбирает слова, пощипывая свою чеховскую бородку:

– Видишь ли, это что-то лампадное… семинарское…

Отец очень не любил попов.

– И почему “гетера”? Уж если ты хочешь писать об этих женщинах, которых, по-моему, совсем не знаешь, то называй их так, как они называются в

жизни: проститутки. Есть и другое слово – простое, народное, конечно, грубоватое, но точное по смыслу. Ну и употребляй его. Пушкин в таких случаях ничего не боялся. А поэму свою так и назови: “Гимн бляди”. По крайней мере, по-русски будет. А то – гетера!.. Наложница!.. Осанна!.. Семинарщина, Толя, бурсачество. И откуда бы?»[47]

Мы-то можем сказать, откуда – из Игоря Северянина, из его «Сонаты» (1911):

Каждый вечер вы веете мимо
В тёмном платье и с бледным лицом,
Как гетера усладного Рима,
. . . . . .

Я всегда вижу только ваш профиль,
Потаённо-печальный овал
И в Магдалах ли вас, на Голгофе ль,
Только, помню, когда-то знавал.
<…>
И на миг несказанным обманут,
Я спешил на несказанный зов,
И не видел, как ландыши вянут
От моих недостойных шагов.

Здесь и гетера, и Магдала (родина Марии Магдалины, о которой у Мариенгофа будет целая поэма), и Голгофа (с ко-

[47] «Мой век…». С. 164–165.

торой поэт будет рифмовать свою фамилию и свой творческий путь). «Гетера» или на худой конец «куртизанка» – самые распространённые поэтизмы Северянина[48] для определения прекрасных дам. У нашего героя даже интонация северянинская.

Однако вернёмся к теме отцов и детей. Не остановившись на разборе текста, отец отвёл сына в кафешантан, где полуголые шансонетки пели похабные песенки. Юный Анатолий, помимо того что не воспринимал музыку (он считал, что это просто шум), был шокирован размалёванными женщинами. Он тянул отца за руку и молил покинуть весёлое заведение, но Борис Михайлович был твёрд и упрям и хотел довести свой урок до конца.

Урок пошёл не впрок. Как писать стихи, юноша усвоил. А вот шансонетки запомнились надолго и вызвали нешуточный интерес. В середине двадцатых годов Мариенгоф окажется в Париже и посетит знаменитое кабаре «Moulin

---

[48] Надо сказать, суждение отца подействовало на поэта. Он так решительно отошёл от своего юношеского увлечения, что практически не писал о Северянине – ни в стихах, ни в прозе, ни в публицистике (что самое удивительное!), ни в мемуарах. Разве что опосредованно, через Николая Клюева, подтрунивающего над Сергеем Есениным: «Чувствительные, Серёженька. Чувствительные стишки. Их бы на веленевой бумаге напечатать, с виньеточками: амурчики, голубки, лиры. И в сафьян переплесть. Или в парчу. И чтоб с золотым обрезом. Для замоскворецких барышень. Они небось и сейчас по Ордынке да на Пятницкой проживают. Помнишь, как Надсона-то переплетали? А потом – Северянина Игоря, короля поэтов. Вот бы, Серёженька, и твои стишки переплесть так же» («Мой век…». С. 373).

Rouge». В 1930-е годы сам возьмётся за написание игривых песенок. Вот, например, несколько фрагментов из «Романса Нины»:

Я твоя девочка,
Я твоя крошка,
Любишь ли, милый,
Крошку немножко?
<…>
Тонкие ручки,
Резвые ножки,
Любишь их, милый,
Множко?.. Немножко?..

Милый, мой милый,
Резвые ножки
По горной дорожке,
Где маки цветут,
К счастью, мой милый,
С тобой убегут.

Эпизод третий – про безумное время.

«Я перешагнул порог – отец вдруг рассмеялся в голос. Это было ему свойственно – сердиться, улыбаться или смеяться на свою мысль.

– Чему это ты, папа?

– Да так. Вспомнил один курьёз. Видишь ли, в Риме в преддверии собора Святого Петра стоит конная статуя

императора Константина.

– Что же тут смешного?

– Этот Константин приказал повесить своего тестя, удавить своего шурина, зарезать своего племянника, отрубить голову своему старшему сыну и запарить до смерти в бане свою жену… Вот за это он и попал в герои! Даже в святые. И не он один.

Я вернулся в комнату, почувствовав, что отцу хочется поговорить.

Он закурил.

– Так вот, мой друг, – всякий век чрезвычайно высокого о себе мнения. Так и слышу, как говорили в восемнадцатом: “В наш век! В наше просвещённое время!” Потом в девятнадцатом: “Это вам, сударь, не восемнадцатый век!” Или: “Слава богу, господа, мы живём в девятнадцатом веке!” И так далее, и так далее. А нынче? Бог ты мой, до чего ж расчванились! Только и трубят в уши: “В наш двадцатый век!”, “В нашем двадцатом веке!”. Ну и простофили!.. Дай-ка мне, пожалуйста, лист бумаги.

Я дал.

– И перо!

Я обмакнул в чернила и подал.

– Спасибо.

– Ты что, папа, завещание, что ли, писать собираешься?

Он молча положил лист на колено, согнутое под одеялом, и размашисто крупными буквами вывел:

“Я – Борис Мариенгоф – жил в XX веке. И никогда

не воображал, что мой век цивилизованный. Чепуха! Ещё самый дикий-предикий”. И протянул мне записку, делово (sic!) проставив день, число, месяц, год, город, улицу и номер дома.

– У меня, Толя, к тебе просьба: вложи это в пустую бутылку от шампанского, заткни её хорошенько пробкой, запечатай сургучом, а потом брось в Суру.

– Слушаюсь, папа! – ответил я с улыбкой. – В воскресенье всё будет сделано.

– Может быть, кто-нибудь когда-нибудь и выловит».[49]

Из большой любви к отцу родилась и любовь к Маяковскому (а позже и страстное соперничество), к Чехову и Толстому, к Шекспиру (особенно к «Гамлету»). От отца же Анатолий Борисович наследует здоровый скепсис, который в будущем дорого ему обойдётся.

[49] Там же. С. 170–171.

Альманах «Исход»

Отцовская критика сыновьей склонности к литературе не поколебала: Анатолий с друзьями пропадает по целым дням в закрытых аудиториях и художественных клубах, строя грандиозные планы, набивая руку сочинением стихов и выпуская журнальчики и альманахи.

Его друг Евгений Литвинов выписывал из Москвы толстые и тонкие журналы – «Труды и дни», «Скорпион» и проч. Благодаря им Мариенгоф знакомится с творчеством футуристов, символистов и акмеистов, в первую очередь обращая внимание (помимо Маяковского и компании) на стихи Ильи Эренбурга. Дмитрий Быков по поводу последнего вывел замечательную формулу: Илья Григорьевич умел блистательно делать форму, а вот наполнять её содержанием не умел[50]. Среди находок Эренбурга есть сокровище, которым Мариенгоф научится владеть как никто в русской поэзии. Мы говорим о неточной рифме.

---

[50] В частности, Быков пишет: «Проблема, однако, в том, что почти ничто из открытого он самостоятельно не освоил, почти ничем из своих изобретений не воспользовался как следует; больше того – возникает сложное ощущение, что открытую им форму он чаще всего не мог наполнить адекватным содержанием. Он был гений формы и великий открыватель приёмов – но залить в эти новые мехи ему нечего, или, по крайней мере, он заливает в них что-то столь сложное, путаное, с множеством ингредиентов, что читатель улавливает лишь малую толику замысла». Подробнее см.: *Быков Д.Л.* Илья Эренбург // Дилетант. 2012. №6 (Июнь).

В цикле стихотворений 1915 года «Ручные тени» Эренбург рисует лирические портреты своих коллег. Например – Максимилиана Волошина:

Елей как бы придуманного имени
И вежливость глаз очень ласковых.
Но за свитками волос густыми
Порой мелькнёт порыв опасный
Осеннего и умирающего фавна.
Не выжата гроздь, тронутая холодом…
Но под тканью чуется тёмное право
Плоти его тяжёлой.
Пишет он книгу.
Вдруг обернётся – книги не станет…
Он особенно любит прыгать,
Но ему немного неловко, что он пугает прыжками.
Голова его огромная,
Столько имён и цитат в ней зачем-то хранится,
А косматое сердце ребёнка,
И вместо ног – копытца.

Эти необычные рифмы («имени» – «густыми», «книгу» – «прыгать», «станет» – «прыжками», «огромная» – «ребёнка») Мариенгоф усвоит в мгновение ока, и уже скоро у него самого появятся стихи с неточной рифмой:

Ночь, как слеза, вытекла из огромного глаза
И на крыши сползла по ресницам.

Встала печаль, как Лазарь,
И побежала на улицы рыдать и виниться.
Кидалась на шеи – и все шарахались
И кричали: безумная!
И в барабанные перепонки воплями страха
Били, как в звенящие бубны.

Но и эти «глаза» – «Лазарь», «безумная» – «бубны», «шарахались» – «страха» уже нечто иное. То, что Мариенгоф и имажинисты в своих стихах довели до предела совершенства: разноударная рифма.

Ещё позже появятся «Руки галстуком»:

Обвяжите, скорей обвяжите, вокруг шеи
Белые руки галстуком,
А сумерки на воротнички подоконников
Клали подбородки грязные и обрюзгшие,
И на иконе неба
Луна шевелила золотым ухом.

Вот эти разноударники: «шеи» – «обрюзгшие», «подоконников» – «на иконе не(ба)», «галстуком» – «золотым ухом». Последняя рифма будет звучать чуть «благонадёжней», если заранее сказать, что Мариенгоф произносил не «галстук» с чётким «к» на конце, а издевательски и щёгольски – «галстух». И в эпистолярном наследии – только так.

Футуристы будут гордиться своими составными рифмами, а имажинисты – «разноударниками». Но это всё будущее

(пусть и недалёкое), а пока – Пенза и первые весточки нового течения в литературе.

Очередным этапом в становлении Мариенгофа как литератора становится альманах «Исход»[51]. Это уже не юношеские забавы, а серьёзная работа. Над альманахом трудились помимо нашего героя Иван Старцев и Григорий Колобов. Оформлял издание художник Виталий Усенко.

В предисловии сказано: «Художественный клуб, лишённый возможности в настоящее время обособить группу ИМАЖИНИСТОВ (Анатолий Мариенгоф, Иван Старцев, Виталий Усенко), предоставил им место в органе своего большинства».

Анатолий Борисович вспоминал:

> *«У Ванечки и у меня как раз в те дни появилось немного деньжат. Недолго думая, мы решили истратить их наилучшим способом, то есть издать "революционный альманах" под собственной редакцией и с собственным участием. Сказано – сделано. <…> Разумеется, мы были убеждены, что наш "Исход" явится исходом для всей новейшей русской литературы».*[52]

Обложку украшает большой субъект жёлтого цвета; впрочем, это 1918 год и объяснять аллюзии лучше словами само-

---

[51] Исход. Альманах 1-й. Пенза: Художественный клуб, 1918.

[52] *Мариенгоф А.Б.* Роман с друзьями // Октябрь. 1965. № 10. С. 98. Далее – «Роман с друзьями», с указанием страниц.

го Мариенгофа:

> *«На обложке верхнего экземпляра жирным шрифтом было тиснуто: “ИСХОД” и изображён некто звероподобный (не то на двух, не то на четырёх ногах), уносящий голубыми лапищами в призрачную даль бахчисарайскую розу величиной с кочан красной капусты. В задание художника входило отразить мировую войну, февральскую революцию и октябрьский переворот».*[53]

В «Исходе» печатается со стихами и Борис Вирганский – будущий иллюстратор детских книг, и Юлий Хожалкин со «вздорным рассказом» – будущий художник. В духе футуризма, плавно переходящего в экспрессионизм, пишет Иван Старцев:

Маринованное сердце моё
На блюде, —
Перед вами…
Лопайте, прожорливые люди,
Великую дань.

Пробует свои силы Григорий Колобов. В «Исходе» печатается его рассказ «Скак». Говорить здесь не о чем. И сам Колобов, наверное, понимает, что с литературой он связан не будет и в будущем стоит избрать другое поле деятельно-

---

[53] *Мариенгоф А.Б.* Роман без вранья // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. Кн. 1. С. 504. Далее – «Роман без вранья», с указанием страниц.

сти. Так и случится[54].

А Мариенгоф публикует свои первые настоящие стихи:

Разве прилично, глупая,
В наш век фабричной трубы,
Подагры и плеши,
Когда чувства, как старые девы, скупы,
Целоваться так бешено
И, как лошадь, вставать на дыбы.

Стихи Мариенгофа – наглые, вызывающие, раздражающие, но меру он ещё знает. «Плеваться кровью» он будет позже. Пока – только эпатаж.

Непонятно, как в альманахе появляется акмеист Мандельштам. Видимо, в качестве приглашённой звезды. В будущем их с Мариенгофом будут связывать товарищеские отношения. У них будут общие друзья и временами даже круг общения. А пока Мандельштам даёт в провинциальный альманах своё стихотворение «Декабрист».

Получилась яркая книга в духе раннего футуризма. На этот раз стихи Мариенгофа занимают не половину альманаха, как было в «Мираже», а лишь несколько страниц. Правда, знаменитые стихотворения (например, такое: «Милая, /

---

[54] В нескольких имажинистских сборниках 1920-х годов среди книг, готовившихся к выпуску, значилось и «Хлебово» Колобова. Книга, однако, так и не вышла. А Григорий Романович стал старшим инспектором Народного комиссариата путей сообщения.

Нежности ты моей / Побудь сегодня / Козлом отпущения») печатаются размашисто, оставляя вокруг себя бесконечный космос белого листа. Позже, уже в «эпоху Есенина и Мариенгофа», многие критики будут ругать поэтов за такое «форменное безобразие»: в стране не хватает бумаги, а они своими безвкусными виршами наполняют книги.

В начале 1918 года всё это выглядит ещё вызывающе и заставляет читателей, привыкших к Надсону и мелодичным стихам символистов, неодобрительно морщить носы. Такой реакции и ждали имажинисты.

На первом выпуске альманаха решено было не останавливаться, уже готовился к печати второй номер, а также книги стихов Мариенгофа («Сердце в мошкаре») и Старцева («Игрун»).

Белые чехословаки

После Февральской революции Временным правительством был признан Чехословацкий национальный совет (ЧСНС), который помогал новоявленной державе в борьбе на фронтах Первой мировой войны. Чехословаки воевали усердно, и генерал Корнилов дал добро на расширение их полномочий и усиление состава армии. К уже существующим прибавилось несколько полков. Всего должно было быть три дивизии.

После Октябрьской революции положение чехословаков изменилось. Получив известия о случившемся, председатель ЧСНС Томас Масарик принял решение поддержать Временное правительство, но при этом не вмешиваться во внутренние дела России и не поддерживать ни одну из партий. Одновременно с этим чехословаки готовы были содействовать всему, что способствовало бы продолжению войны. И это неспроста: они рассчитывали на получение независимости своей страны. При этом большинство офицеров чехословацкой армии были русскими.

В декабре 1917 года ЧСНС получил статус иностранного легиона французской армии и приказ отбыть во Францию. Так как идти придётся через красную Россию, Масарик в феврале 1918-го договаривается с главкомом Михаилом Муравьёвым, который командовал пятитысячным советским

отрядом, штурмовавшим Киев, о нейтралитете. Красный командир доложил обо всём Ленину.

С согласия Масарика в чехословацких частях была разрешена большевистская агитация. Русские офицеры были удалены с командных постов, но корпус пополнился по-большевистски настроенными чехами. Совсем скромная часть солдат (не более двухсот человек) влилась в состав РККА.

Чтобы вывести корпус из России во Францию, советским правительством было решено направить легионеров по Транссибирской железной дороге до Владивостока и далее через Тихий океан в Европу.

Однако в апреле 1918 года на Дальнем Востоке началась японская интервенция. Ленин принял решение приостановить продвижение чехословаков[55]. Чехи посчитали, что Советы хотят сдать их немцам. Сложилась атмосфера взаимного недоверия, назревали неприятные инциденты. Один из них произошёл в Челябинске. Какой-то чудак (военнопленный венгр) догадался бросить чугунную ножку от печки в окно поезда, в результате чего был ранен чешский солдат. Поезд остановили и расстреляли виновника. Россия остать-

---

[55] Сравните: «…через два океана они должны были по решению Франции и Чехословацкого военного совета вернуться в Европу, на Западный фронт <…> От кратчайшего пути – через Архангельск – отказались. Уже сама эта странная логистика наводит на мысли о провокации, о том, что чехословаков использовали втёмную <…> В намерениях японцев относительно Дальнего Востока тайны не было с самого начала. Их “сибирская экспедиция” должна была прирастить владения императора». Подробней см.: *Авченко В.О.* Фадеев. М.: Молодая гвардия, 2016. (Жизнь замечательных людей).

ся в стороне не могла: чехи, устроившие самосуд, были арестованы. Но их товарищи взяли штурмом участок и разоружили местный отряд РККА.

Были и другие происшествия. Волнения росли. После приказа Троцкого о расформировании всех частей чехословацкого корпуса чехи отказались сдать оружие и решили двигаться на восток самостоятельно. По пути захватывали города. К концу мая очередь дошла и до «толстопятой» Пензы.

Мариенгоф вспоминал:

> *«Чехословацкие белые батальоны штурмовали город. Заливая свинцом близлежащие улицы, они продвигались от железнодорожной насыпи обоих вокзалов: “Пенза 1-я” и “Пенза 2-я”, – то есть от пассажирского и товарного. Падали квартал за кварталом, улица за улицей. <…> Отступающие красноармейцы втащили пулемёт на чердак нашего дома. <…> Артиллерийский, пулемётный и ружейный огонь усиливался с каждой минутой. Я нашёл в ящике письменного стола перламутровый театральный бинокль и, протерев стёкла замшевой полоской, засунул его в нижний карман френча. <…> В задний карман синих диагоналевых бриджей я положил маленький дамский браунинг. Его пульки были величиной с детский ноготь на мизинце. Более грозного оружия в доме не оказалось. <…> Я полез на чердак защищать социалистическую революцию.*

Красноармейцы почему-то не послали меня к чёрту».[56]

Борис Михайлович к этому моменту успел отправить за город дочь Руфиму. В доме остались только он с Анатолием и Ольга Ионовна, на девятом месяце беременности.

По версии Анатолия Борисовича, отец поднялся за ним на крышу, чтобы загнать в дом, подальше от шальных пуль, – и был подстрелен. Однако есть и другая версия. У Ольги Ионовны начались схватки; Борис Михайлович стал запрягать лошадь и усаживать жену, чтоб отвезти в больницу, – по пути шальная пуля и настигла Бориса Михайловича. Так рассказывает в своей книге Борис Борисович Мариенгоф, появившийся на свет при столь трагических обстоятельствах[57].

---

[56] «Мой век…». С. 196–197.

[57] Борис Мариенгоф вспоминал: «Я родился в Пензе 28 мая 1918 года. Как раз в мае был бой с белочехами <…> и в этом бою в отца попала шальная пуля, когда он выбежал на крыльцо посмотреть извозчика, который отвёз бы его в роддом, где я родился. Дело происходило 1 июня. Отца ранило в пах, и теперь уже брат с сестрой [*Анатолий Борисович, напомним, писал, что сестру отправили за город. – О.Д.*] искали подводу, чтобы отправить тяжело раненного отца в больницу, но пока его везли, он скончался от большой потери крови. В книге “Мой век, мои друзья и подруги” Анатолий Мариенгоф эпизод смерти отца изобразил иначе, как бы косвенно взяв на себя вину за гибель любимого им отца. Видимо, иначе было не передать это тяжёлое событие, так как он не хотел признавать тот факт, что отец был женат второй раз и что у него появился на свет ещё один сын. По словам моей сестры Руфины, она тоже ревниво отнеслась к рождению маленького брата. Как она рассказывала, в день гибели отец был очень счастлив, что едет за новорождённым сыном, а она рыдала и не хотела видеть новорождённого брата. Моему брату в это время был 21 год, а сестре 16 лет» (*Мариенгоф Б.Б.* Жизнь без вранья. С. 130).

«Витрина сердца»

Больше в Пензе ничто не удерживало Анатолия. Отца нет. За сестрой будет присматривать Нина Николаевна Хлопова, сестра матери. Про новорождённого брата и говорить нечего. Будто его и нет. Так, по крайней мере, представляется из мемуаров Мариенгофа.

Горячему и целеустремлённому юноше необходимо было выбираться из провинции. По-чеховски – в Москву. Собрав чемодан с нехитрым скарбом (сотни номеров «Исхода»!), Мариенгоф покидает Пензу.

В столице он селится на Петровке, 19. Поначалу устраивается секретарём во ВЦИК, где всеми делами литературно-издательского отдела заведовал старый друг Борис Малкин (прежде Малкин был редактором пензенской губернской газеты «Чернозём» и публиковал его стихи).

Каким был молодой поэт? Об этом есть несколько строк у Рюрика Ивнева:

> *«В приёмной увидел сидевшего за столиком молодого человека, совершенно не похожего на советского служащего. На фоне потёртых френчей и галифе он выделялся своим видом и казался заблудившимся и попавшим в издательство ВЦИК петербургским лицеистом или гвардейским офицером. Чёрные лакированные ботинки, розовый лак на*

отточенных ухоженных ногтях, пробор – тоже гвардейский, и улыбка светского молодого человека».[58]

В свою очередь, в первой книге Мариенгофа «Витрина сердца», вышедшей осенью 1918 года в «толстопятой» (вероятно, Анатолий Борисович наведался в Пензу: корректировать работу типографии из Москвы было бы трудновато[59]), есть стихотворение, посвящённое Рюрику Ивневу.

Когда день, как у больного мокрота,
И только на полотнах футуристов лазурь
С Вами хорошо, Рюрик,
Говорить о маленьких поэтовых заботах.
С Вами вообще хорошо и просто.
Вы так на свои стихи похожи, —
Входите в сердце нежной поступью,
Словно во время действия в ложу.

Первая книга Мариенгофа аннотировалась в «Исходе» под названием «Сердце в мошкаре». Но планы у издательства переменились – и за книгу пришлось бороться. Снача-

---

[58] *Ивнев Р.А.* Серебряный век: невыдуманные истории. М.: Эксмо, 2017. С. 157.

[59] Правда, возникает путаница. Дело в том, что Анатолий Борисович в мемуарах чётко прописал, что книжечка вышла в Пензе. Многие исследователи вслед за автором пишут о «толстопятой». Но в качестве издательства везде указывается «ДИВ», московское издательство. Более того, есениноведы утверждают, что оно возникло только в 1920 году, когда Есенин и Мариенгоф нашли издательских работников – А.М.Сахарова и И.М.Фридмана. Учитывая все нестыковки, мы можем сказать, что издательство «ДИВ» придумал Мариенгоф (и Есенин).

ла изменяют название – на «Витрина сердца». Затем уменьшается тираж. Сам Мариенгоф писал, будто бы напечатали 1000 экземпляров; 985 он уничтожил; осталось всего лишь 15. В уничтожение верится с трудом. Вероятнее всего, крошечный тираж был напечатан изначально[60].

Некоторые стихи уже печатались в альманахе «Исход». Правда, есть и некоторые изменения. Например, стихотворение «Из сердца в ладонях» посвящено уже не Эльзе фон Мондрах, а Ивану Старцеву.

Все тексты написаны под влиянием Блока и Маяковского одновременно. Такое сочетание стилей в будущем определит развитие не только поэзии Мариенгофа, но и имажинизма в целом: экспериментальная поэтика, шутовство, эпатаж – и глубокая лиричность, эстетство, чувственность.

---

[60] Приведём для сравнения историю со сборником «Розы с кладбища» Г.А.Шенгели. Юный поэт тоже говорил, что большая часть тиража пропала. Но этому находится опровержение. Виталий Рыжков, друг Георгия Аркадьевича, вспоминал о том, как искусно шло уничтожение этой книги: «Казнь <…> была оригинальной. Шенгели курил самодельные скрученные папироски с самодельными маленькими мундштучками. Страницы “Роз с кладбища” аккуратно нарезывались для этих мундштучков и шли в дело». Подробнее см.: *Молодяков В.Э.* Георгий Шенгели: биография: 1894–1956. М.: Водолей, 2016.

СЛУХИ, ФАКТЫ И БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА

* * *

Вот:
Под секирой —
Глаза навыкате…
Вот:
В рубищах кровавых зорь
Изошёл!..
Склоняйтесь, музы, и хныкайте
На траурных лирах,
А ты, легковейный Эол,
Им вторь.

Иван Старцев. «Казнь»

* * *

«12 августа. Вечером, дома.

Вся Москва говорит о “пленении” офицеров. Был приказ явиться всем бывшим офицерам “для регистрации” в Алексеевское училище. Собралось около 15-ти тысяч. Их не выпустили обратно

и, разделив на несколько категорий (служащих в советских учреждениях, не служащих вовсе и т.п.), продержали так четыре дня. Половину освободили, половину (тысяч 6–7) ещё держали в заключении в самых ужасных условиях, напоминающих описание немецких дисциплинарных лагерей для военнопленных».

Рюрик Ивнев. Из дневника за 1918 год

* * *

В зефире плавающий плод —
Твои нагофренные груди
И твой пружинящий живот
Кладу на жертвенник прелюдий.

Вскипит пусть гневный дирижёр,
Отыскивая лейтмотивы!
И станет вдруг похож твой взор
На две раздавленные сливы.

Иван Старцев

* * *

«Одноглазый Полифем, к которому попал Одиссей

в своих странствиях, намеревался сожрать Одиссея. Ленин и Маяковский (которого еще в гимназии пророчески прозвали Идиотом Полифемовичем) были оба тоже довольно прожорливы и весьма сильны своим одноглазием. И тот, и другой некоторое время казались всем только площадными шутами. Но недаром Маяковский назвался футуристом, то есть человеком будущего: полифемское будущее России принадлежало несомненно им – Маяковским, Лениным. Маяковский утробой почуял, во что вообще превратится вскоре русский пир тех дней и как великолепно заткнёт рот всем прочим трибунам Ленин с балкона Кшесинской: ещё великолепнее, чем сделал это он сам, на пиру в честь готовой послать нас к чёрту Финляндии!»

Иван Бунин. «Окаянные дни»

* * *

«22 сентября. На вокзале в Саратове.

– Дайте лимон.

– Лимон? Кто лимон вспомнит, говорят, теперь на расстрел».

Рюрик Ивнев. Из дневника за 1918 год

* * *

Наши внуки будут удивляться,
Перелистывая страницы учебника:
«Четырнадцатый… семнадцатый… девятнадцатый…
Как они жили!.. Бедные!.. Бедные!..»
Дети нового века прочтут про битвы, Заучат имена вождей и ораторов,
Цифры убитых
И даты.
Они не узнают, как сладко пахли на поле брани розы,
Как меж голосами пушек стрекотали звонко стрижи,
Как была прекрасна в те годы
Жизнь.

Илья Эренбург

* * *

«В Пензе на вокзальной площади какого-то проезжавшего через Пензу капитана самосудом убили за то, что он не снял ещё погоны. И разнаготив убитого, с гиком и хохотом волокут большое белое тело по снегу Московской улицы – то вверх, то вниз. А какой-то пьяный остервенелый солдат орёт: “Теперь наша власть! Народная!”

Нотариуса Грушецкого сожгли в его имении живым, не позволили выбежать из горящего дома. Помещика Керенского уезда Скрипкина убили в его усадьбе и затолкали его голый труп “для потехи” в бочку с кислой

капустой. И всё это с хохотом – “теперь наша власть! Народная!”.

В ненависти и страсти истребления убивали не только людей, но и животных (не “народных”, не “пролетарских”). В знакомом имении на конском заводе железными ломами перебили хребты рысакам, потому что – “господские”».

Роман Гуль. «Я унёс Россию…»

Глава третья
Эпоха Есенина и Мариенгофа

Альманах «Явь»

Август 1918 года, а то и всё лето – Мариенгоф находится в Москве: работает во ВЦИКе, ходит по театрам, выбирается на поэтические вечера, посещает митинги, изучает столицу изнутри. Появляются первые стихи, написанные в Первопрестольной, – это нечто вроде лирического дневника[61]. Приведём одну запись от 12 августа:

В это утро
Вниз головой с высоких крыш…
Кидались ветра.
Первыми вышли латыши.
Было страшно – потому что двигались
Деревянные истуканы.
Тогда ещё:
Редкозубые кремлёвские стены

---

[61] Поэт оставил нам свои комментарии: «…записано в клеёнчатой тетради, которая (Бог весть по какому невероятному случаю) осталась у меня от гимназических лет <…> Остальное всё на плотной белой бумаге с тончайшими голубенькими линеечками. При записи, по рассеянности, конечно, голубенькие линеечки непростительно забывались» (ИМЛИ. Ф. 299. Оп. 1. Ед. хр. 1).

Пенились мыльной пеной
Розового тумана.
Люди прижимались к домам.
От людей убегали улицы
К заставам.
К Коровьему и Земляному валу.
Мостовые плавила серая лава.
Становился прозрачным город.
Деревянные требовали:
– Террора.

В архивах ИМЛИ мы обнаружили целый цикл подобных стихотворений. Период: август-сентябрь 1918 года. Эти тексты публикуются впервые. Сам Мариенгоф о них ничего не упоминал, исследователи до них не добирались. И, заметьте, всё за считанные месяцы до публикации большой и шумной подборки в альманахе «Явь» и до знакомства с Сергеем Есениным, Вадимом Шершеневичем и Александром Кусиковым. С Рюриком Ивневым контакт уже налажен.

Первые собрания членов Московского Ордена имажинистов состоятся осенью 1918 года. Принято считать основными представителями этого направления только четверых – всех, за исключением Кусикова. Оттого, вероятно, что его подписи на коллективных манифестах и письмах редко встречаются. На деле же он был одним из самых деятельных имажинистов, ему принадлежали имажинистские издательства «Сандро» и «Чихи-Пихи».

Осенью будущие члены «Ордена имажинистов» только собираются и беседуют, приглядываются, притираются. Есенин и Ивнев уже знакомы по Петрограду, Ивнев и Шершеневич – по своему футуристическому прошлому, остальные видят друг друга впервые. Объединяет их вера в силу поэтического образа и горячая кровь.

Шершеневич, экспериментируя то с символизмом, то с футуризмом, зачитываясь иностранной литературой и занимаясь её переводами, пришёл к «имажионизму». У Есенина всё несколько сложнее и обоснований куда больше: «Образ от плоти можно назвать заставочным, образ от духа – корабельным, и третий образ от разума – ангелическим». Но до сведения всего этого в единую систему Есенин не доходит. У Мариенгофа же ещё с Пензы приготовлено название для всего этого безобразия – имажинизм. Термин более благозвучен – он и закрепляется за новым литературным течением.

Тут мы вынуждены отступить от хронологического принципа повествования и рассказать об альманахе «Явь», с которого, по большому счёту, всё началось, а также о декларациях, перфомансах, шумных вечерах, книгоиздании и бизнесе имажинистов.

Всё это выстраивается в эпоху Есенина и Мариенгофа. Поэты даже думали выпустить совместный сборник стихов с таким же названием – «Эпоха Есенина и Мариенгофа». Или менее пафосно – «Хорошая книга стихов Есенина и Мари-

енгофа». В обоих случаях фамилия нашего героя намеренно рифмуется с названием сборников.

Пока определяется состав, пока создаётся Орден, Мариенгоф усердно работает в издательстве ВЦИК – готовит поэтический альманах, где собрались бы все революционно настроенные литераторы. Альманах будет иметь особое название – «Явь». Чтобы все бунины, мережковские, гиппиусы и прочие сомневающиеся в новом переломном времени поняли, что это не сон, что всё происходит наяву, по-настоящему.

Под обложкой «Яви» Мариенгофу удалось собрать Бориса Пастернака, Андрея Белого, Василия Каменского, будущих имажинистов – Сергея Есенина, Вадима Шершеневича, Рюрика Ивнева, а заодно и старого приятеля пристроить – Ивана Старцева. Это из более известных. Было и несколько авторов, с течением времени позабытых.

Рецензию на альманах должен был написать Андрей Белый. Об этом мы узнаём из письма Мариенгофа к нему:

> «МАРІЭНГОФЪ (ИМАЖИНИСТЪ)
>
> Уважаемый Борис Николаевич, буду весьма признателен, если передадите посланнику статью о “Яви”. Хотел получить сегодня для Вас гонорар, но кассир оказался Калининым и, несмотря ни на какие уговоры, не выдал. Необходима доверенность / с подписью удостовереннн[ой]. Домов[ым] Ком[итетом]. / Если будете брать, на всякий случай возьмите – 2 – вторая для “Роста” за статью.

Извините за беспокойство.

С искренним приветом,

А.Мариенгоф».

Рецензия либо не была написана, либо не найдена до сих пор[62]. Но это и неважно – с этого момента начинаются приятельские отношения Мариенгофа с Андреем Белым, растянувшиеся на долгие годы.

Шум после выпуска альманаха поднялся немалый. Достаточно вспомнить статью Адольфа Меньшого:

> «Почему этот лежащий передо мной сборник стихотворений называется “Явь”? Почему не “Тяв!”? “Тяв!” вполне соответствовало бы содержанию сборника, представляющего собою одно сплошное оглушительное тявканье. Как видно из приведённого четверостишия, один из главных участников сборника, поэт Анатолий Мариенгоф, склонен согласиться со мной, что это действительно тявканье, бессмысленный и дерзкий собачий лай, пронзительный визг бешеного пса, брызгающего слюной и хохочущего кровью. Поэт Анатолий Мариенгоф нахально (нахальство – высшая добродетель) спрашивает нас: “Вам не нравится, что мы осмели (!) тявкнуть – тяв?” Заявляю, что я лично

---

[62] Чтобы Белый не забыл о рецензии, Мариенгоф оставляет письмо и его литературному секретарю, Петру Никаноровичу Зайцеву: «Многоуважаемый Пётр Никанорович. Вчера по просьбе Мих. Алекс. (Рюрика Ивнева) я был у издателя и получил от него окончательный ответ. Нужные средства будут безусловно, но лишь по получении разрешения. Сам он всячески заинтересован и нас всячески торопит. Уваж. Вас. Мариенгоф» (ИМЛИ. Ф. 15. Оп. 2. Ед. хр. 82).

ничего не имею против, – пускай себе тявкают. Я знаю, они смирные – не укусят. Но я хотел бы знать, зачем это тявканье печатают? Зачем издательство, помещающееся в доме №11, по Тверской (!), издаёт и распространяет произведения бешеных тявкающих поэтов? И зачем тявканье связывают с революцией? Зачем тявканье посвящают Октябрю? Кто шутит с нами такие глупые шутки?»[63]

И так далее, и всё в том же духе. Меньшой разбирает стихи Мариенгофа, потому что, во-первых, они занимают ощутимую часть сборника (четырнадцать из тридцати восьми!) и, во-вторых, потому что они, как признаётся рецензент, самые яркие, выдающиеся и необычные. Да и сегодня, когда мы берём в руки «Явь», видим, что стихи Анатолия Борисовича интереснее стихов Андрея Белого или Бориса Пастернака. Конкуренцию ему могут составить разве что Сергей Есенин или Василий Каменский.

Только не замечает критик, что цитируемое им стихотворение Мариенгофа проникнуто аллюзией на раннего Маяковского («Вот так я сделался собакой», 1915): «И когда, ощетинив в лицо усища-веники, / толпа навалилась, / огромная, / злая, / я стал на четвереньки / и залаял: / Гав! гав! гав!».

Много ли надо молодому поэту? Привлечь внимание. А лучше всего это получается, как позже признавался сам Мариенгоф, если на тебя напишут грозную разоблачительную

---

[63] *Меньшой А.* Оглушительное тявканье // Правда. 1919. 12 марта.

статью – только такие критические опусы и создают известность.

Нашего героя упрекают в кровожадности, неуёмности и безумстве:

Кровь, кровь, кровь в миру хлещет,
Как вода в бане
Из перевёрнутой разом лоханки,
Как из опрокинутой виночерпием
На пиру вина
Бочки.
<…>
Разве вчерашнее не раздавлено, как голубь,
Автомобилем,
Бешено выпрыгнувшим из гаража?!
<…>
И земля словно мясника фартук
В человечьей крови, как в бычьей…
<…>
Твердь, твердь за вихры зыбим,
Святость хлещем свистящей нагайкой
И хилое тело Христа на дыбе
Вздыбливаем в Чрезвычайке.
<…>
Кричу: «Мария, Мария, кого вынашивала! —
Пыль бы у ног твоих целовал за аборт!..»

Ещё недавно в «Витрине сердца» Мариенгоф эпатировал

читателя раскрашенными в футуристические оттенки блоковски-уайльдовскими лирическими стихами, и вот он цокает каблуками лакированных башмаков по площади, залитой кровью (вокруг резня, свист пуль, истошное ржание околевающих лошадей), и грозит кулаком небу, стремясь поквитаться с Богом. За что? Это мода на революцию, на красный террор? Стремление пригодиться новому государству? Жажда крови, как негодовали критики?

Если так, то «кровожадность» нашего героя переплюнула всех поэтов, упражнявшихся в описании революционного безумства. Чуть позже, в 1922 году, Маяковский попробует перехватить пальму первенства. Он и до этого выпускал отца, облитого керосином, освещать улицы, но это был единичный случай. А вот в стихотворении «Сволочи» он уже разошёлся по-крупному.

Британской монархии он пишет: «Пусть из наследников, / из наследниц варево / варится в коронах-котлах!». Американским капиталистам: «Будьте прокляты! / Пусть / ваши улицы/ бунтом будут запрудены. / Выбрав / место, где более больно, / пусть / по Америке – / по Северной, / по Южной – / гонят / брюх ваших / мячище футбольный». Собственным нэпманам: «Будьте прокляты! / Пусть будет так, / чтоб каждый проглоченный / глоток / желудок жёг! / Чтоб ножницами оборачивался бифштекс сочный, / вспарывая стенки кишок!»

Но до Мариенгофа ему уже не дотянуться: остро (Анато-

лий Борисович и Владимир Владимирович всегда будут соревноваться в остроумии), но не жутко. Точней, не так жутко, как получилось у юного поэта.

Дело вовсе не в «кровожадности». Во-первых, у Мариенгофа – это боль утраты отца и матери, незаживающая рана. Отсюда – богоборчество. Приведём здесь ещё не публиковавшееся стихотворение[64]:

Тяжёлой мужичьей поступью
Подойду к последней двери
И скажу совершенно просто:
– Эй, ты – Саваоф, отвори!

И если не ответит никто: ударю
По засову пудовым кулаком,
От чего Он, со страху, старый
Растянется там ничком.

А потом лицемерно-приветливо
Скажет: «Друг мой, утерян ключ».
Голос будет, как ржавые петли,
Как осколки стекла колюч.

Я ударю тогда вторично
И, упрямый сильный как вол,
В небо, совсем коричневое,
Вобью осиновый кол.

---

[64] ИМЛИ. Ф. 299. Оп. 1. Ед. хр. 3.

Он поймёт, что всё уж потеряно:
– Стал не нужен, как рваный башмак!
И свой мудрый, высоколобый череп
О каменный расколет косяк.

Я сорву засовы, как струпья,
И в последнюю дверь войду, —
Только маленький скорченный трупик
Будет грустен в моём саду.

Во-вторых, шок от увиденного хаоса. Отсюда конь революции, буйно скачущий по всей России. В-третьих, старый эпатаж, проверенный Пензой. Да и, наконец, не стоит забывать, что мы имеем дело с лирическим героем, а не с самим поэтом[65].

При желании приведённые выше строки Мариенгофа из разных стихотворений можно прочесть как одно стихотворение. Это ещё одна особенность имажинизма. Стихотворение строится из образов – и каждый образ в высокой цене. Что до рифмы, так это пережитки прошлого. Мариенгоф с ней борется всеми силами. Полностью отказаться от неё не получается, но удаётся сделать её случайной, парадоксаль-

[65] Об этом часто забывают не только критики или литературоведы, но и представители РПЦ. Дьякон Андрей Кураев приводит стихи Мариенгофа в качестве самой яркой иллюстрации богоборческих текстов, в изобилии появившихся в разгар революции. А его коллеги, устраивая в Манеже мультимедийную выставку-форум «Православная Русь.

ной и менее приметной.

За издание альманаха Мариенгофа хвалил его прямой начальник – Константин Еремеев; предлагал даже в партию вступить. Но где политика и где поэзия? Конечно, Мариенгоф отказался.

Явление имажинистов

После громкого скандала с альманахом «Явь» имажинисты являют себя миру. 29 января 1919 года в Союзе поэтов проходит их первый литературный вечер. А.Б.Кусиков в статье «Мама и папа имажинизма» писал:

> *«10 февраля 1919 года под чётко отчётливый щёлк пулемёта, под визгливый визг шрапнели, под растоптанный воплем вдовий вой, под поцелуи и скрежет, под любовь и ненависть, в огненной колыбели крови родился Новый День. Окрестили его имажинизмом. Это – день возрождения. Это – эпоха небывалых зорь. После “блестящего символизма”, который достойно завершился северянинщиной, после уродливого кривляния и потуг бессильного футуризма, – пришли Мы. Мы пришли не потому, что нам захотелось.*

Моя история. От великих потрясений к Великой Победе» (5–22 ноября 2015 г.), вешают полотно со стихами и портретом Анатолия Борисовича между портретами Сталина и Ленина.

> *Эпоха не изобретается (в противном случае, это не эпоха, а футуризм), эпоха – необходимость Нового Дня».*[66]

---

[66] Журнал «Вещь» (Берлин). 1922. № 1–2. С. 9–10.

На следующий день в воронежском журнале «Сирена» появляется декларация имажинистов. Помогает её напечатать поэт Владимир Нарбут. Спустя полмесяца декларация будет опубликована и в московской газете «Советская страна»:

> «Вы – поэты, живописцы, режиссёры, музыканты, прозаики.
>
> Вы – ювелиры жеста, разносчики краски и линии, гранильщики слова.
>
> Вы – наёмники красоты, торгаши подлинными строфами, актами, картинами.
>
> Нам стыдно, стыдно и радостно от сознания, что мы должны сегодня прокричать вам старую истину. Но что делать, если вы сами не закричали её? Эта истина кратка, как любовь женщины, точна, как аптекарские весы, и ярка, как стосильная электрическая лампочка.
>
> Скончался младенец, горластый парень десяти лет от роду (родился 1909 – умер 1919). Издох футуризм. Давайте грянем дружнее: футуризму и футурью – смерть. Академизм футуристических догматов, как вата, затыкает уши всему молодому. От футуризма тускнеет жизнь.
>
> О, не радуйтесь, лысые символисты, и вы, трогательно наивные пассеисты. Не назад от футуризма, а через его труп вперёд и вперёд, левей и левей кличем мы. <…>
>
> Футуризм кричал о солнечности и радостности, но был мрачен и угрюм.
>
> Оптовый склад трагизма и боли. Под глазами мозоли

от слёз.

Футуризм, звавший к арлекинаде, пришел к зимней мистике, к мистерии города. Истинно говорим вам: никогда ещё искусство не было так близко к натурализму и так далеко от реализма, как теперь, в период третичного футуризма. Поэзия: надрывная нытика Маяковского, поэтическая похабщина Кручёных и Бурлюка, в живописи – кубики да переводы Пикассо на язык родных осин, в театре – кукиш, в прозе – нуль, в музыке – два нуля (00 – свободно). <…>

Мы, настоящие мастеровые искусства, мы, кто отшлифовывает образ, кто чистит форму от пыли содержания лучше, чем уличный чистильщик сапоги, утверждаем, что единственным законом искусства, единственным и несравненным методом является выявление жизни через образ и ритмику образов. О, вы слышите в наших произведениях верлибр образов.

Образ, и только образ. Образ – ступнями от аналогий, параллелизмов – сравнения, противоположения, эпитеты сжатые и раскрытые, приложения политематического, многоэтажного построения – вот орудие производства мастера искусства. Всякое иное искусство – приложение к “Ниве”. Только образ, как нафталин, пересыпающий произведение, спасает это последнее от моли времени. Образ – это броня строки. Это панцирь картины. Это крепостная артиллерия театрального действия. <…>

Если кому-нибудь не лень – создайте философию

имажинизма, объясните с какой угодно глубиной факт нашего появления. Мы не знаем, может быть, оттого, что вчера в Мексике был дождь, может быть, оттого, что в прошлом году у вас ощенилась душа, может быть, ещё от чего-нибудь, – но имажинизм должен был появиться, и мы горды тем, что мы его оруженосцы, что нами, как плакатами, говорит он с вами».

Декларацию подписали поэты Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич, Рюрик Ивнев и Сергей Есенин, а также художники Борис Эрдман и Георгий Якулов.

15 февраля в газете «Вечерние известия Моссовета» публикуется статья «Литературное одичание» В.М.Фриче (Владимир Максимович – не просто критик, а литературовед и искусствовед, член коллегии литературного отдела Наркомпроса, будущий академик), где имажинисты называются «умопомрачительным убожеством, литературным и умственным», а их декларация – «крикливой и наглой саморекламой». Другой авторитетный критик – В.И.Блюм, главный редактор «Вестника театра» театрального отдела Наркомпроса, – называет их «литературными спекулянтами».

Имажинисты подняли немалый шум.

Заявив о себе, они начинают обосновывать своё учение, утверждать его с помощью публицистических статей, теоретизировать новое поэтическое явление. Незамедлительно появляется статья Мариенгофа с лаконичным названием –

«Имажинизм»[67]. В ней – самоутверждение, футуризм, да и прочие литературные течения побиваются словесными камнями:

> «Ведя вперёд и вперёд паровоз искусства по рельсам исканий, мы, конечно, должны были первым долгом позаботиться об расчистке пути от ненужной и опасной рухляди. Валявшиеся хворостины символизма и акмеизма нас не пугали, мы ни минуты не сомневались, что колёса нашего искусства сотрут их в порошок; нам казались более опасными навороченные брёвна футуризма. Но и тут опасения оказались излишними. Брёвна оказались настолько пустотелыми, что на очистку от них полотна дороги потребовалась минимальная затрата труда и времени. Поэзия футуристов рассыпалась сама от первого прикосновения. В противовес разрушителю (и только) футуризму, имажинизм – направление созидающее, творческое. В основу поэзии имажинизм кладёт образ. Полнокровный, пламенный. Только свой. <…>
>
> Поэт не должен знать сундуков, где хранятся проеденные молью и пахнущие нафталином старые тряпки поэзии.
>
> Он – тот портной, который не предлагает старьё, не перевёртывает на другую сторону ношенное и переношенное. Он кроит всегда свой творческий фасон на материи, непосредственно приобретённой с фабрики

---

[67] *Мариенгоф А.Б.* Имажинизм // Известия Пензенского губернского исполнительного комитета рабочих и крестьянских депутатов. 1919. 12 июня.

жизни.

Образом нельзя пересолить. Если у Пушкина на главу “Евгения Онегина»”, приблизительно строк в 840, приходит 6–7 впалогрудых образов, то у имажинистов Есенина, Шершеневича и автора этой статьи вы найдёте их гораздо больше в одном четверостишии, причём каждый по объёму своих художественных бицепсов поспорит с бицепсами гладиатора. Мы отрицаем образ натуралистический. Нам нужна не внешняя похожесть, не фотографичность, а нечто большее, именно внутреннее сходство, спираль эмоции данного чувства. <…>

Аннулированному нами в поэзии содержанию противопоставляется форма. Пиши о чём хочешь – о революции, фабрике, городе, деревне, любви – это безразлично, но говори современной ритмикой образов. Усложнённость психики современного человека и современного города, кинематографическая быстрота переживаний, явлений и движения предметов толкнула нас к многотемию (политематизму).

Наше громадное творчество может уместиться в форме, как тесто выходит из опары. Ищет себе новый сосуд, такой же громадный, как оно само.

Мы окончательно выбросили из стиха музыкальность, заменив могущественными железными ритмами. И в самом деле, разве чижик-пыжик на рояле одним пальцем не в тысячу раз прекраснее потуг Бальмонта. Полная дифференциация искусств. Поэту – ритм и слово, как Музыканту – звук. Художнику –

краска, Скульптору – рельеф, Актеру – жест».

Это только первые попытки теоретизации – слабенькие и практически лишённые аргументов. Необходима практическая составляющая – стихи. А уже позже, на основе собственных выступлений, на основе стихов, появятся «Ключи Марии» Есенина, «2х2=5» Шершеневича и «Буян-остров» Мариенгофа. Пока же идёт организация Ордена и «Ассоциации вольнодумцев» (последняя – для решения юридических и экономических проблем). Её одобряет Луначарский.

Ассоциация ставит своей целью «пропаганду и самое широкое распространение творческих идей революционной мысли и революционного искусства человечества путём устного и печатного слова». Откуда берёт средства? Из добровольных взносов, с доходов от вечеров и изданий, со своего малого бизнеса. В ассоциацию входят Есенин, Блюмкин, Колобов, Мариенгоф, Шершеневич, Старцев, Ройзман и другие поэты, а также их товарищи и друзья. К концу сентября 1919 года выходит устав «Ассоциации вольнодумцев».

Вот как об этом вспоминает Матвей Ройзман:

> «20 февраля 1920 года состоялось первое заседание “Ассоциации вольнодумцев”. Есенин единогласно был выбран председателем, я – секретарём, и мы исполняли эти обязанности до последнего дня существования организации. На этом заседании постановили издавать два журнала: один – тонкий, ведать которым будет Мариенгоф; другой толстый, редактировать который

станет Есенин. Вопрос о типографии для журналов, о бумаге, о гонорарах для сотрудников решили обсудить на ближайшем заседании.

Тут же были утверждены членами “Ассоциации”, по предложению Есенина, скульптор С.Т.Конёнков, режиссёр В.Э.Мейерхольд; по предложению Мариенгофа – режиссёр А.Таиров; Шершеневич пытался провести в члены “Ассоциации” артиста Камерного театра, читавшего стихи имажинистов, но его кандидатуру отклонили…

“Ассоциация вольнодумцев в Москве” поквартально отчитывалась перед культотделом Московского Совета и перед Мосфинотделом. Под маркой “Ассоциации” в столице и в провинциальных городах проводились литературные вечера, главным образом, поэтов, а также лекции (В.Шершеневич, Марк Криницкий и др.).

В 1920–1921 годах “Ассоциация” устроила несколько вечеров в пользу комиссии помощи голодающим».[68]

---

[68] *Ройзман М.Д.* Всё, что помню о Есенине. С. 38.

Портреты поэтов

При имени «Сергей Есенин» вспоминаются его бессмертные строки, трагическая судьба поэта, судьбы его жён и возлюбленных. Но много ли говорят сегодняшней публике имена Рюрика Ивнева, Сандро Кусикова или Вадима Шершеневича? Чтобы читатель получил более полное представление об Ассоциации и Ордене имажинистов, расскажем коротко о главных его членах.

Вадим Шершеневич начал писать рано. Первая книга «Весенние проталинки» вышла в 1911 году – ещё слабенькая, но небесталанная. В 1913-м появляется вторая – «Carmina». Обе написаны под сильнейшим влиянием символистов. Первые шаги юного дарования хвалит Николай Гумилёв. Всегда рядом старший товарищ Валерий Брюсов, готовый и выслушать, и дать совет. В 1913 году выходят уже футуристические книги Шершеневича – «Романтическая пудра» и «Экстравагантные флаконы». С конца года он возглавляет группу «Мезонин поэзии». Много занимается переводами (Бодлер, Парни, Корнель, Шекспир, Маринетти и т.д.), стиховедением и теоретизацией футуризма, редактирует «Первый журнал русских футуристов». А с 1914-го постепенно проникается пленительностью образов – тяготеет к «имажионизму». К осени 1918 года он уже опытный и именитый поэт, а также блестящий переводчик самых модных и

тиражируемых поэтов.

Рюрик Ивнев (псевдоним Михаила Александровича Ковалева) успел удивить читателей и как поэт, и как прозаик. Несколько стихотворных сборников, отмеченных мэтрами символизма и друзьями-футуристами, постоянные выступления и чтение открытых лекций, сотрудничество с поэтическим объединением «Мезонин поэзии» и издательством «Петербургский глашатай» – Ивнев нарасхват как среди коллег, так и среди читателей. Про его романы, где практически впервые в русской литературе действуют герои-гомосексуалисты, современный читатель что-то отдалённое слышал. А вот про рассказы – вряд ли[69]. Рассказы эти посвящены любви во всех её проявлениях. Один – о садистских опытах дворянина где-то в русской глуши. Второй – о любовном треугольнике: он любит её, она – другого, другой – первого. Третий рассказ о женщине, переполненной любовью настолько, что дарит её первым встречным, пока пароходом плывёт к суженому. То, чем взяли в 1990–2000-е годы Владимир Сорокин, Юрий Мамлеев, Михаил Елизаров, начиналось почти сто лет назад с Рюрика Ивнева и подобных ему зачинателей этого эпатажного канона.

Александр Кусиков – Александр Борисович Кусикян(ц) – по большому счёту, начинает как поэт только в 1918 году, од-

---

[69] Эти рассказы впервые собраны и опубликованы в следующем издании: *Ивнев Р.А.* Несчастный ангел: роман, пьеса, рассказы / сост., вступ. ст. *Н.П.Леонтьева*. СПб.: Лимбус Пресс; Издательство К. Тублина, 2014.

нако его пылкий темперамент и предпринимательская жилка позволяют стремительно влиться в литературный процесс. В 1916 году он знакомится в Армавире с Велимиром Хлебниковым и Василием Каменским[70]. Футуристы высоко оценивают стихи юноши. В Москве же Кусиков в «Кафе поэтов» быстро и легко сходится со старшими товарищами – с Брюсовым, Северяниным, Маяковским и Бальмонтом[71]. Выпускает свой первый сборник «Зеркало Аллаха», организует издательство «Чихи-Пихи» и вместе со Случановским и Бальмонтом публикует сборник «Жемчужный коврик», а следом и собственную книгу – «Сумерки»[72]. Позже «Чихи-Пихи» и другие издательства Кусикова будут печатать книги имажинистов.

Другие имажинисты – братья Борис и Николай Эрдманы, Георгий Якулов, Арсений Авраамов (псевдоним Реварсавр, то есть Революционный Арсений Авраамов), Матвей Ройзман, Иван Грузинов и менее приметные образоносцы – по-

---

[70] Известен экспромт В.В. Каменского, обращённый к А.Б. Кусикову: «От сердца искреннего во славу молодецкую, / Расцветную, творческую – на счастье: / Я верю Вам, как весенне-рождённому Поэту / И жду от Вас чудесных песен».

[71] К.Д.Бальмонт посвящает А.Б.Кусикову стихотворения «В горах» («Ты с детства знал орлов паренье…»), «От гор исходит вдохновенье…», «Человек рождён из сгустка крови красной…» и «Верный» («Всё в мире безгранном едино…»), а его сестре – «Черкешенке».

[72] Сегодня наиболее полно тексты А.Б.Кусикова собраны в следующем издании: Поэт Александр Кусиков (1896–1977): стихи и поэмы, материалы к биографии: научный сборник / науч. ред. *С.Н.Кшторов*; сост., вступ. ст., коммент. *Н.В.Лазебной, М.А.Плешивцевой*. Армавир, 2012.

лучили известность уже во времена расцвета имажинизма.

В послереволюционной Москве собрались талантливые и безумно талантливые молодые люди, которым суждено было завоевать своё место в истории. Этим они и занялись.

Акции

Многие исследователи ломают голову: чем же имажинизм как литературное течение принципиально отличается от футуризма? Первым делом стоит вспомнить о многочисленных перфомансах имажинистов. В 1920-е такого слова и в помине не было, поэтому назовем их просто – художественными акциями.

Начнем с менее известной. Мариенгоф вспоминает такой случай:

> *«В предмайские дни мы разорились на большие собственные портреты, обрамлённые красным коленкором. Они были выставлены в витринах по Тверской – от Охотного ряда до Страстного монастыря. Не лишённые юмора завмаги тех дней охотно шли нам навстречу»*[73].

Эту акцию отчего-то не вспоминают вовсе, когда говорят о шалостях имажинистов. И напрасно. Обронённая вскользь в мемуарах, она подчёркивает важные принципы имажинистского быта. А именно – театральную суть происходящего. И беззастенчивую саморекламу (мы бы сказали – пиар).

Новоявленным гениям необходимо было благословление мэтров отечественной поэзии. И в этот раз Орден поступил неординарно. В то время как футуристы сбрасывали с ко-

---

[73] «Мой век…». С. 230.

рабля современности забронзовевших классиков, имажинисты держались корней. В частности – Пушкина. О нём печатались статьи в «Гостинице для путешествующих в прекрасном», Мариенгоф и Есенин подражали ему в дендизме, стихи писали не без оглядки на Александра Сергеевича. Наконец, устроили ещё один перфоманс. Об этом мы узнаём от Матвея Ройзмана:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.